

ПИОНЕР

Май

Издательство „Правда“, 1945 г.

5

Обращение товарища Сталина к народу

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооружённых сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии всё ещё уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести её в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли

даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года наза́д Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя она и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

**СЛАВА НАШЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ
КРАСНОЙ АРМИИ, ОТСТОЯВШЕЙ
НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ
И ЗАВОЕВАВШЕЙ ПОБЕДУ НАД
ВРАГОМ!**

**СЛАВА НАШЕМУ ВЕЛИКОМУ
НАРОДУ, НАРОДУ-ПОБЕДИТЕЛЮ!**

**ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ
В БОЯХ С ВРАГОМ И ОТДАВШИМ
СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СВОБОДУ И
СЧАСТЬЕ НАШЕГО НАРОДА!**

Иосиф Виссарионович Сталин.

ПОБЕДА

Лев Успенский

Знаешь ли ты, читатель «Пионера», какое великое, несравнимое ни с чем счастье вышло тебе на долю? Чувствуешь ли ты, что ты должен сделать что-то особенное, быть лучше, благороднее и выдержаннее, чем всегда, чтобы оказаться достойным дней, в которые ты живёшь? Потому что это дни невиданной, небывалой, величайшей из великих победы.

Выйдя на улицу, подставь лицо тёпловому весёлому ветру. Запомни, как он обвевал тебя. Это ветер победы.

Вглядись в глаза своей матери—это глаза женщины того поколения, которое создало победу.

Прислушайся к гуду вечерней толпы на людной улице, приглядишься к выражению лиц вокруг тебя: смотри, слушай, запоминай. Всё, что ты видишь, дышит победой, пронизано её светом, обожжено её пламенем. Через сорок, через пятьдесят лет твои дети и внуки спросят тебя: «Ты жил в великие дни? Что ты видел тогда? Расскажи нам, как пришла она, победа».

Сохрани же в памяти эти дни. Запомни всё. Не забудь ни о чём. Потому что рассказ о величайшей победе в истории человечества—это рассказ о силе советского народа, о его самоотверженности, мужестве, благородстве. Это рассказ о высоком воинском мастерстве, об отваге бойцов и мудрости командиров, рассказ о героическом труде на полях, на заводах, в шахтах, на железных дорогах. Это рассказ обо всём нашем народе, объединившемся в одном порыве. И это также рассказ о тебе и о твоих товарищах.

Советские ребята оказались достойными своих отцов и матерей. Те из вас, кто был в местах боёв, смело помогали Красной Армии. В районах, захваченных немцами, ребята хранили верность своей великой Родине. Их не могли сломить ни муки, ни смерть. Имена бесстрашных маленьких патриотов овеяны суровой военной славой. Да и все вы, ребята, вместе со взрослыми добивались победы. Вы много работали в эти годы, вы хорошо учились, вы бодро переносили трудности военного времени.

И вот она пришла, всем народом завоёванная светлая победа!

Много раз наш народ побеждал врагов, врагов страшных и могучих. Был день, когда, разбив цепи двухсотлетнего татарского рабства, вооружённые луками и копьями-палачами, прапра-прадеды наши возвращались в Москву с Куликова поля. Они не только освободили свой народ: они спасли от порабощения, от варварства, от мрака всю Европу. Спасли кровью своей. И ликование в мире было великое... Был день, когда гремели трубы и барабаны на площадях и проспектах Санкт-Петербурга, на старых улицах Москвы. «Горд и ясен и славы полон» был взор Петра. Развевались пёстрые флаги судов над невскими волнами. Высоко в небо взлетали разноцветные дуги потешных огней, горели свечи в табачном дыму остерий, звенели кубки, шумел веселящийся народ. Это пришла к нашим пра-прадедам новая победа, Полтавская. Русский народ спас свою страну, спас и другие народы от произвола смелого авантюриста—Карла XII.

Это наш танк в Берлине, около знаменитых Бранденбургских ворот. Сюда, в столицу Германии, пришли и танкисты, и артиллеристы, и автоматчики, и саперы... Путь у них был один—к победе.

Вот они, победители!

Служили два брата в одном полку... Они вместе громили врага. Они вместе летали всё дальше на запад. Они вместе пришли к победе. Это дважды Герой Советского Союза майор Дмитрий Глинка и Герой Советского Союза старший лейтенант Борис Глинка.

«Прямой наводкой по танкам, огонь...»
Гвардии сержант наводчик Анвар Ибрагимов точно выполняет приказ командира. В этом бою он уничтожил три немецких танка. Сын азербайджанского народа Ибрагимов победителем вступил в Германию.

Связь налажена. Теперь орудия будут бить точно в цель. Нелёгкая это работа — быть связистом на войне. Но младший сержант Владимир Вилков отлично выполнял все задания. За свои подвиги он награждён орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени.

Шквал артиллерийского огня бушевал на улицах Данцига. Артиллеристы расчищали путь пехоте. На этом снимке вы видите, как расчёт старшего сержанта Куприянова ведёт огонь по зданиям, где засел враг.

Прошло сто лет, и опять шумно возликовала огромная страна. Бряца оружием, освящённым в бесчисленных боях, сияя медными кирасами, шестеря многоцветными значками и кокардами, входили в Триумфальные ворота Москвы сыны родины, прошедшие насквозь всю Европу — от Бородина до Лейпцига, от Малоярославца до Фершампенуаз, от стен Москвы до фортов Парижа. Гордо сидели в седлах усатые воины — гусары и уланы, кирасиры и драгуны. Тяжело печатая шаг, шла могучая русская пехота. И этот шаг её отдавался радостью в сердцах всего мира. Народы ликовали: русские сломали мощь Наполеона! Русские сохранили свободу народов! Русские спасли мир от тирании!

Разве не хотелось бы каждому из нас увидеть, как это было, услышать этот победный гул, участвовать во всенародной радости?!

И вот снова крылатое слово «победа» пронеслось над нашей страной. Народ наш не только спас себя в тяжёлом, смертном бою: своей кровью, безмерными страданиями своими окупил он свободу всей земли. На этот раз опасность, грозившая миру, была самой страшной из всех, борьба, разрывающаяся на окровавленных полях Европы, — самой яростной из всех, победа, вырванная в чудовищно огромных сражениях, — самой полной, самой светлой, самой великой из всех тех, какие когда-либо одерживал человек.

Подумай сам: почти шесть лет полыхал в мире невиданный пожар! Тем, кто сейчас читает эти страницы, будучи двенадцатилетним мальчиком или девочкой, едва исполнилось шесть лет, когда в газетах появились роковые слова: «Германия вторглась в Польшу». Тот, кто тогда читал «Пионер», кому двенадцать лет миновало в первый день мировой войны, сейчас уже идёт как победитель по разрушенным улицам Берлина, и ветер победы шевелит его волосы, выбывающиеся из-под запылённой в боях пилотки... Шесть лет!

Наполеон в 1812 году привёл в Россию «великую армию», — около пятисот тысяч солдат. По тем временам это было огромное войско. Красная Армия в один день, 14 апреля взяла в плен под Кёнигсбергом девяносто тысяч немцев.

Фронт Полтавской битвы, о которой мы помним вот уже двести пятьдесят лет, простирался на три, на пять, может быть, на семь километров. Фронт сражения, разразившегося в январе этого года в Польше, тянулся на тысячу двести километров.

Могучие силы были приведены в движение, чтобы сломить великое зло, прозившее захлестнуть мир. Без преувеличения можно сказать, что на полях битв сражались десятки миллионов людей. Во время этой войны эскадры по полторы тысячи самолётов несли смерть на кровли вражеских городов. Бомбы весом в десять тонн разрушали всё вокруг себя.

Во время этой войны мир видел бои, в которых на каждом километре фронта гремели и грохотали сотни орудий, вспахивая всю землю перед собою. Тысячи танков устремились навстречу друг другу, сея смерть и разрушение.

И в этой войне мы победили!

Никогда, ни в какой другой войне мир не знал таких подвигов, такого небывалого героизма.

В этой войне чудовищные стальные громады танков бросил враг на нашу землю. Сметая всё на своём пути, двигалась скрежещущая чёрная лавина. Казалось, нет силы, которая могла бы остановить её...

Но наши люди на заводах построили неисчислимое множество не таких — нет, — более сильных, более грозных машин. Советские юноши, которым так недавно было столько же лет, как тебе, мой друг, повели эти машины в бой. И страшная лавина была уничтожена.

В этой войне стали хищных птиц — вражеских самолётов — затмили было наше небо. Но русский человек — твой отец и твой старший брат, твоя мать и твои сёстры — создал наш грозный воздушный флот. Братья твои понесли на соколиных крыльях на врага. И небо наше очистилось от чёрной тучи. Страшная гроза разразилась не над нами, а над вражеской землёй.

В этой войне мирные города наши — целые огромные города! — годами выдерживали свирепую осаду и не сдавались. Тяжёлые испытания выпали на долю нашего свободолюбивого народа.

Никогда, ни в одной войне человечество не встречало такого жестокого, такого коварного, такого злобного врага. Он убивал маленьких детей, женщин, беспомощных стариков. Он задушил и сжёг в печах в одном только городке Освенциме, превращённом им в лагерь смерти, четыре с половиной миллиона мирных людей. Он опустошил и превратил в пустыню целые страны.

Мир распался на два стана: в одном свирепствовал злобный фашизм, другой всеми силами боролся за то, чтобы это зло стигнуло навсего, чтобы впрямь люди могли легко и свободно дышать. Чтобы весной в лесах распускались подснежники — и танки не давили их. Чтобы дети играли в скверах — и бомбы не разрывали их в клочья. Чтобы матери баюкали малышей, чтобы люди строили прекрасные корабли, открывали неизвестные острова, вычисляли путь сияющих звёзд, поднимались в стратосферу и опускались в морскую глубину.

Это была война между добром и злом. Мы были в лагере добра. Мы возматили этот светлый стан, и мы победили!

Вот почему так светла весна в этом году. Вот почему так гордо держат голову наши старшки, так весело шумят наши дети. Вот почему широкой волной течёт радость по лицу земли: мы победили!

Мы победили потому, что множество советских людей пожертвовали всем во имя этой победы.

Мы победили потому, что советские люди кровью своей заплатили за счастье, за наше будущее.

Мы победили потому, что нас вёл сквозь бурю и мрак самый верный в мире компас и на него смотрели самые мудрые глаза в мире.

Этот компас — учение великой партии большевиков. Эти глаза — глаза Сталина.

Да здравствует наша победа!

Гвардии старший краснофлотец Александр Морухов участвовал в потоплении восьми фашистских кораблей.

Однажды благодаря его находчивости подтопная лодка была спасена от гибели. Звезда Героя Советского Союза украсила его грудь.

Город взят. Но враг ещё прячется по чердакам и квартирам. Отважные автоматчики выбивают его оттуда. Но порой им приходится «подкарауливать зверя». В ожидании застыл гвардии рядовой А. Плищенко. В любую секунду он готов открыть огонь.

Лихая кавалерия, конница Будённого, — в скольких песнях она поется! И об этих кавалеристах — казаках генерал-полковника Плиева — будут сложены песни. Немало пройдено ими путей, немало бурных и широких рек осталось позади!

Московское небо

3. *Александрова*

Московское небо над нами,
Видавшее столько невзгод,
Сияет цветными огнями,
Весенним букетом цветёт.

Как звёзды кремлёвские яркие,
Ракеты взвиваются ввысь.
Лучей триумфальные арки
На праздничном небе слились.

Нам с детства, ребята, знакома
Простая гроза над Москвой,
Раскат настоящего грома
И молнии почерк косою.

Мы в день Октября или Мая
Любили ходить на парад,
Глядеть, как весёлою стайей
Вверху самолёты летят.

Но голос воздушной тревоги
Нас поднял в июльскую ночь.
На крышах, под небом жестоким
Мы старшим старались помочь.

Казалось, что жизни не жалко...
Под злой, оглушительный гром
Кидали мы с крыш зажигалки,
Топтали огонь сапогом.

Погасли чужие ракеты,
Фугаски окончили бой,
И с первым дыханьем рассвета
Пришёл долгожданный отбой.

Московское небо над нами,
Видавшее столько невзгод,
Сияет цветными огнями,
Весенним букетом цветёт.

Бои в Берлине

Полковник Н. Баканов

Раннее утро. Слабый ветер лениво гонит на север обрывки редких косматых туч. По узкой ленте шоссе мы подъезжаем к Кюстрину. Справа и слева на много километров разлились воды Одера и Варты. Дорога походит на гигантский мост, переброшенный через большое озеро. Ночью прошёл дождь, и теперь воздух жадно тянет избыток влаги. Над водой рождается туман. Разливаясь по широкой долине, он поднимается всё выше и выше и теряется в голубых разводах бесконечно дальнего неба. Когда над лесом поднялось солнце, всё вокруг засияло ослепительным блеском. Исковерканные снарядами здания города, придорожные деревья, трава и кустарники, островками торчащие из воды, — всё исприлось жемчужными каплями тёплого весеннего дождя.

Одер в районе города делает три рукава, образуя два больших острова. На одном из островов находится старинная крепость Кюстрин. Каменные стены её, усиленные земляными валами, служили прочной защитой немцам. Здесь происходили ожесточённые бои. Все здания крепости превращены в груды развалин. Кроны деревьев сорваны снарядами, подземные убежища разрушены.

Несколько минут пути по разрушенному городу и крепости, и мы на плацдарме западнее Кюстрина. Отсюда 16 апреля, в 4 часа утра, войска маршала Жукова начали историческое наступление на столицу фашистской Германии Берлин. Ни с чем несравнимые трудности пришлось преодолевать нашим бойцам в первые дни наступления! Я осматривал местность к западу от плацдарма. Здесь нет ни оврагов, ни высот, ни лесов. Усадьбы и фольварки, разбросанные по громадной равнине, были заблаговременно превращены немцами в сильные опорные пункты. Над местностью господствуют Зелёвские высоты. Гряды холмов, тянувшаяся непрерывной цепью, громадной подковою охватывает всю равнину; южный конец подковы у города Лебус примыкает к Одере, а северный поворачивает на запад и образует острый выступ, обращённый на северо-восток. На высотах расположен город Зелёв. Нашим частям от плацдарма до гряды высот предстояло преодолеть около двадцати километров ровного, как поверхность стола, поля.

На равнине немцы построили множество всевозможных укреплений. Траншей с многочисленными огневыми точками и бронеколпаками, мин-

ные поля, проволочные заграждения, канавы, наполненные весенними водами, на каждом шагу преграждали путь нашим наступающим частям. Но особенно прочно закрепились немцы на Зелёвских высотах, откуда они на двенадцать километров просматривали лежащую впереди местность.

Ранним утром наши части начали артиллерийскую подготовку. На позиции немцев обрушились тысячи снарядов и мин. Лётчики только за один день совершили семнадцать тысяч пятьсот самолётных вылетов!.. Над расположением врага поднялось сплошное багровое пламя. Следом за огненным валом поднялись в атаку наши стрелки и танкисты.

В ещё более сложных условиях пришлось действовать нашим бойцам, наступающим югозападнее Кюстрина. Здесь — на этой совершенно открытой местности — наше командование применило необычный метод. Одновременно с сигналом в атаке вспыхнули свыше двухсот мощных прожекторов, направленных на позиции врага. Они ослепили немцев. Наши шли как бы под прикрытием светового щита. В первые же часы наступления оборона противника была прорвана.

За первой линией укреплений до самого Берлина шли бесчисленные оборонительные сооружения. Но самая местность тут уже была не та. Используя леса, рощи, овраги, долины рек и каналов, наши части просачивались в глубину расположения немцев. Нападали на них с флангов и тыла, навязывали бои в невыгодных условиях и вынуждали оставлять одну позицию за другой.

Немцы упорно сопротивлялись: за их спиной находился Берлин. Они выбрасывали вперёд отборные эсэсовские части, курсантов военных училищ, лётчиков. Они поставили на прямую наводку зенитные орудия Берлинской зоны ПВО. Но советские бойцы неудержимо двигались вперёд. 21 апреля — прочно запомните этот день, ребята, — наши ворвались в пригороды Берлина. В 13 часов этого исторического дня батарея капитана Решетова открыла огонь по рейхстагу.

В этот день я к полудню добрался до одного из пригородов и с небольшой вышки видел Берлин, объятый пламенем. Тёмносерые клубы дыма высоко вздымались в голубое небо. В небе кружились наши самолёты и били по опорным пунктам немцев. Стоял невозможный грохот. Наша мощная артиллерия работала на славу. «За

Сталинград!», «За Смоленск!», «За Минск!» — кричали из орудий артиллеристы.

Многочисленные асфальтированные дороги со всех сторон через пригороды ведут к центру Берлина. Немцы преградили их противотанковыми рвами, баррикадами и прикрывали огнём орудий, пулемётов, самоходных пушек. По дворам, огородам, садам пробивались наши бойцы в тыл к немцам, прорывались в город.

В городе борьба шла за каждый дом, этаж, комнату. Немцы так построили здесь оборону, что любая огневая точка, укрытая в каменном строении, взаимодействовала с соседней. Улицы и переулки были преграждены мощными баррикадами. Я видел баррикады из толстых брёвен, промежутки между которыми заполнены кирпичом, из опрокинутых трамваев, засыпанных землёй, из громадных катушек кабеля и даже из ящиков со стеклом. На наиболее важных направлениях баррикады устраивались из танков. Танки ставились вплотную друг к другу и вели огонь вдоль улиц. Такие баррикады доставляли нам немало хлопот.

А самым серьёзным препятствием были орудийные бронеколпаки, установленные немцами на перекрёстках улиц. Один из таких колпаков с длинным стволом противотанковой пушки до сих пор торчит на Франкфурт-аллее. Башня, укрытая с фронта прочной каменной стеной, разбита прямым попаданием снаряда. Все механизмы установленной в броне колпака пушки повреждены. Возле колпака видно отверстие — что-то вроде сурчиной норы; стенки её до блеска натёрты телами людей, прятавшихся в подzemелье во время налёта авиации. Мы спустились вниз и здесь увидели много боеприпасов. Долго бы ещё стреляла эта пушка, если бы не разбили её отважные советские танкисты.

Мы не нашли наших бойцов, сражавшихся на этом перекрёстке, но посредине улицы, обгоревший и подбитый, стоит наш танк. Ствол его орудия направлен против немецкой пушки, защищённой бронёй. Трудно сказать, как протекал здесь бой. Одно ясно: советские бойцы дрались в невыгодных условиях. Представляя неизмеримо большую цель, танк стоял открыто. Немецкая пушка, заключённая в стальную башню, находилась за прочной каменной стеной, из-за которой торчал только её длинный ствол. И всё же танкисты победили. Меткий выстрел разрушил стальную громадину и открыл пехотинцам путь вперёд.

Разрушенные здания немцы превращали в новые прочные баррикады. За баррикадами и в подвальных этажах зданий укрывались они, стреляя из орудий, пулемётов, миномётов. Наша пехота — а кое-где и танки — порой не могли

преодолеть эти препятствия. Вот тут-то и появлялись наши знаменитые самоходчики. Стреляя тяжёлыми снарядами, самоходные пушки пробивали в баррикадах бреши, сквозь которые прорывались вперёд танкисты и пехотинцы.

Особенно тяжёлые бои шли за перекрёстки широких улиц. Здесь у немцев были наиболее мощные укрепления, здесь сражались отборные эсэсовские части.

Мне хочется рассказать вам, как был взят всего только один дом, превращённый немцами в опорный пункт. Стрелковой роте старшего лейтенанта Джамбекова удалось пробиться на край квартала. Дальше двигаться было нельзя: в подвалах дома, стоявшего на перекрёстке, немцы установили два орудия, а в каждом этаже — пулемёты, которые простреливали фланговым огнём обе улицы. Да ещё откуда-то были немецкие самоходные пушки. Улица, ведущая к центру, кроме того простреливалась огнём нескольких орудий из глубины обороны. Путь вперёд был преграждён прочными баррикадами.

Командир роты решил пробиться в квартал, занятый немцами, и атаковать дом с фланга. И вот в кирпичных стенах пробиваются бреши, артиллеристы подтягивают сквозь них орудия почти вплотную к опорному пункту.

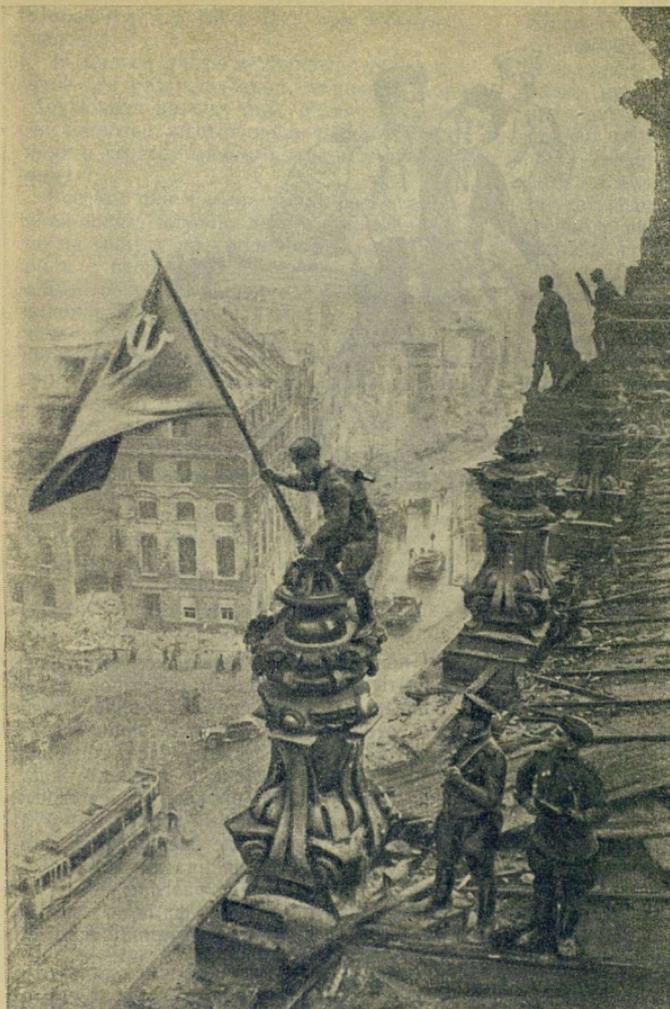
Быстро перебежав улицу, бойцы заняли небольшой «плацдарм» во дворе противоположного дома. Отсюда стрелки дворами начали пробиваться дальше. По дороге, для того чтобы протащить пулемёты и миномёты, нашим бойцам пришлось в пятнадцать местах пробивать стены дворов и домов.

Атака началась утром, и только к вечеру удалось подойти к угловому дому. На преодоление расстояния в пятьдесят—шестьдесят метров потребовалось около двенадцати часов!..

Но это было только начало. Нужно было ещё штурмовать дом. По сигналу командира артиллеристы ударили с фронта, а стрелки атаковали немцев с тыла. Вначале удалось захватить центральную лестничную клетку и очистить среднюю секцию дома. Затем, пробивая стены, наступая одновременно сверху, снизу и с флангов, стрелки стали проникать в другие секции здания. Лишь через сутки поставленная рота задача была выполнена. Теперь сильный опорный пункт немцев представлял собой дымящуюся грудой развалин. Остальные здания квартала были заняты быстрее, но на следующем перекрёстке те же трудности встали перед нашими бойцами.

Так, шаг за шагом, продвигались они вперёд, маневрируя в лабиринте тесных, похожих на колоды дворов.

Во время боёв наши бойцы заметили, что нем-

Алое знамя Победы водружено на здании рейхстага.

они нередко снова появляются в кварталах, занятых нами. Оказалось, что они пользовались многочисленными подземными ходами и метро. Жизнь в Берлине из-за частых бомбардировок давно ушла под землю, в просторные станции и узкие тоннели метро, в подвалы и бомбоубежища, многие из которых были соединены ходами. Этими подземельями и воспользовались немцы.

Пришлось драться и под землёй.

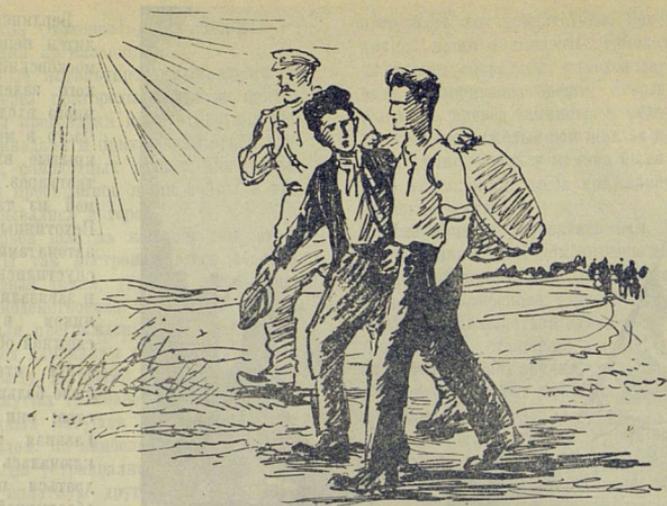
Берлинский метрополитен непохож на наш, московский. Он неглубокого залегания, в нём много входов и выходов. Часто в метро ведут открытые входы прямо с тротуаров. Я был на одной из таких станций. Пехотинцы, вооружённые автоматами и гранатами, спустились в подземелья и завязали бои с противником в необычайно сложной обстановке.

На стороне немцев было большое преимущество: они знали метро. Главная трудность заключалась в том, что драться приходилось в абсолютной темноте. Едва бойцы зажигали фонарики, как немцы открывали огонь. Пришлось отказать от фонарей — бои происходили при свете вспышек от выстрелов. Ориентирами в метро служили рельсы. Артиллеристы ставили вдоль рельсов пушку, приводили ствол в горизонтальное положение и давали выстрел. Снаряд летел вдоль ступ метро и расчищал путь. Иногда, особенно на закруглениях, снаряд ударялся в стену совсем недалеко, и бойцы спасались тем, что укрывались за щитами орудий.

В короткий момент вспышки командир орудия намечал путь вперёд, намечал следующую остановку и смотрел, в каком направлении следует вести огонь. За орудием шли вперёд стрелки. Самые ожесточённые сражения происходили на станциях. Здесь наши бойцы пускали в дело испытанную «карманную артиллерию» — гранаты.

Суровые бои продолжались в Берлине до 2 мая, когда остатки немецкого гарнизона, зажатые на небольшой площади, сдались. Берлин пал.

Через несколько дней гитлеровская Германия капитулировала.

А. Фадеев

ВАНЯ И ЖОРА*

Жора Арутюнянц был сильно вытянувшийся в длину, но всё же на полголовы выше Вани Земнухова, очень чёрный от природы, да ещё сильно загоревший семнадцатилетний юноша с красивыми, в загнутых ресницах, армянскими чёрными глазами и полными губами. Он смахивал на негра.

Несмотря на разницу в годах они сдружились за эти несколько дней, в течение которых оба занимались эвакуацией учреждений города Краснодона. Оба они были страстные книголюбцы.

Ваню Земнухова даже называли в школе профессором. У него был только один парадный серый, в коричневую полоску, костюм, который он надевал в торжественных случаях жизни и который, как всё, что носил Ваня, был ему уже коротковат. Но когда он поддевал под пиджак белую с отложным воротничком сорочку, повязывал коричневый галстук, надевал свои в чёрной роговой оправе очки и появлялся в коридоре школы с карманами, полными газет, и с книгой, которую он нес в согнутой руке, рассеянно похлопывая себя ею по плечу, шёл по коридору вразвал-

ку, неизменно спокойный, молчаливый, со скрытым вдохновением, которое таким ровным и ясным светом горело в душе его, отбрасывая на бледное лицо его какой-то дальний отсвет, — все товарищи его, а особенно ученики младших классов, его питомцы — пионеры, с невольным почтением уступали ему дорогу, как будто он и в самом деле был профессором.

А у Жоры Арутюнянца даже была заведена специальная разграфлённая тетрадь, куда он заносил фамилию автора, название каждой прочитанной книги и краткую её оценку.

Например:

Н. Островский. Как закалялась сталь: Вот здорово.

А. Блок. Стихи о прекрасной даме. Много туманных слов.

Л. Толстой. Хаджи-Мурат. Хорошо показана освободительная борьба горцев.

С. Голубов. Солдатская слава. Недостаточно показана освободительная борьба горцев.

Байрон. Чайльд Гарольд. Непонятно, почему это произведение так волновало умы, если его так скучно читать.

В. Маяковский. Хорошо. (Нет никакой оценки.)

* Глава из романа «Молодая гвардия».

А. Толстой. Пётр Первый. Здорово. Показано, что Пётр был прогрессивный человек.

И многое другое можно было прочесть в этой его разграфлённой тетрадке. Жора Арутюнянц вообще был очень акуратен, чистоплотен, настойчив в своих убеждениях и во всём любил порядок и дисциплину.

Все эти дни и ночи, занимаясь эвакуацией школ, клубов, детских домов, они, ни на минуту не умолкая, с жаром говорили о втором фронте, о стихотворении «Жди меня», о Северном морском пути, о кинокартине «Большая жизнь», об открытиях академика Лысенко, о недостатках пионердвижения, о правительстве Сикорского, о поэте Щипачёве, радиодикторе Левитане, о Рувельте и Черчилле и разошлись только в одном вопросе: Жора Арутюнянц считал, что гораздо полезнее читать газеты и книги, чем гонять по парку за девочками, а Ваня Земнухов сказал, что он лично всё-таки гонял бы, если бы не был так близорук.

Но вот пришла пора и им самим уходить. Ваня простился с плачущей матерью, старшей сестрой и сердито сопевшим, и крикавшим, и старавшимся не глядеть на сына отцом, который в последний момент, однако, перекрестил его и вдруг припал к его лбу сухими, горячечными губами.

Они вскинули за плечи вещевые мешки, Ваня взглянул в последний раз на свой любимый угол у изголовья кровати, где висел литографированный портрет Пушкина работы художника Карпова, изданный украинским видовиством в Харькове, и стояла этажерка с книгами, среди которых главное место занимали собранные сочинения Пушкина и маленькие томик позтов пушкинской поры, изданные «Советским писателем» в Ленинграде. — Ваня взглянул на всё это, преувеличенно резким движением насунул на глаза кепку, и они тронулись в путь.

Ваня и Жора влились в поток беженцев, катившийся вдоль железной дороги на Лихую.

Первоначальный план их движения был на Новочеркасске, где у Жоры Арутюнянца была влиятельная, как он сказал, родня, могущая помочь в дальнейшем продвижении: там дядя его работал сапожником при станции. Но Ваня, которому Жора подчинялся как старшему товарищу, узнав, что Клава Ковалёва едет на

Лихую, в последнюю минуту предложил Жоре этот новый маршрут, очень туманно сформулировав его преимущества. И Жора, которому было решительно всё равно, куда ни идти, с готовностью изменил свой довольно ясный маршрут на туманный маршрут Земнухова.

На одном из этапов пути к ним присоединился маленький, кривоногий и до-нельзя усатый майор в сильно помятой гимнастёрке с гвардейским значком с правой стороны груди, в сухих, покоробленных сапогах. Его военная форма, особенно сапоги, находилась в таком горестном состоянии, от того что, как он пояснил, она в течение пяти месяцев, пока он излечивался от ран, валялась «чорт знает где», то есть в госпитальной кладовой.

Последнее время госпиталь занимал один из отделений красnodонской главной больницы и теперь эвакуировался, но за недостатком транспорта всем, кто мог ходить, предложено было идти пешком, и ещё более ста тяжело раненых осталось в Краснодоне без всякой надежды выбраться.

Кроме этого пространного объяснения судьбы своей и своего госпиталя майор во весь остальной путь не произнёс ни слова. Он был до крайности молчалив, он молчал упорно и совершенно безнадежно. Кроме того майор хромал. Но, несмотря на свою хромоту, он довольно ретиво шагал в своих покоробленных сапогах, не отставая от ребят, и вскоре внушил такое уважение к себе, что ребята, о чём бы ни говорили, обращались к нему, как к молчаливому авторитету.

В то время, когда множество людей, пожилых и молодых, и не только женщин, а мужчин, с оружием в руках, страдало и мучилось в этом нескончаемом потоке отступления, Ваня и Жора с вещевыми мешками за плечами, закатав рукава выше локтей, неся в руках кепки, шагали по степи, полные бодрости и радужных надежд.

Их преимущество перед другими людьми было в том, что они были совсем юны, одиноки, не знали, где находится враг и где свои, не верили слухам, и весь свет с этой необъятной степью, раскалённым солнцем, дымом пожаров и пылью, тучей стоявшей в районе дорог, которые то там, то здесь бомбил и обстреливал немец, — весь свет казался им открытым на все четыре стороны.

И говорили они о вещах, которые не

имели никакого отношения к тому, что происходило вокруг.

— Почему же ты считаешь, что быть юристом неинтересно в наши дни? — спрашивал Ваня своим глуховатым баском.

— Потому что, пока идёт война, надо быть военным, а когда война кончится, надо быть инженером, чтобы восстанавливать хозяйство, а юристом — это сейчас не главное, — говорил Жора с той чёткостью и определённою суждений, которая была ему свойственна, несмотря на его семнадцать лет.

— Да, конечно, пока идёт война, я хотел бы быть военным, но военных меня не берут — по глазам. Когда ты отходишь от меня, я уже вижу тебя, как что-то неопределённо долговязое и чёрное, — с усмешкой сказал Ваня. — А инженером быть, конечно, очень полезно, но тут дело в склонности, а у меня склонность, как ты знаешь, к поэзии.

— Тогда тебе нужно идти в литературный вуз, — очень ясно и чётко определил Жора и посмотрел на майора, как на человека, который, единственный, может понимать, насколько он, Жора, прав.

Но майор никак не отозвался на его слова.

— А вот этого я как раз и не хочу, — сказал Ваня. — Ни Пушкин, ни Тютчев не проходили литературного вуза, да тогда и не было такого, и вообще научиться стать поэтом в учебном заведении нельзя.

— Всему можно научиться, — отвечал Жора.

— Нет, учиться на поэта в учебном заведении — это просто глупо. Каждый человек должен учиться и начинать жить с обыкновенной профессии, а если у него от природы есть талант поэтический, этот талант разовьётся путём самостоятельного развития, и только тогда, я думаю, можно стать писателем по профессии. Например Тютчев был дипломатом, Гарин — инженером, Чехов — доктором, Толстой — помещиком...

— Удобная профессия! — сказал Жора, лукаво взглянув на Ваню своими чёрными армянскими глазами.

Оба они засмеялись, и майор тоже улынулся в усы.

— А юристом кто-нибудь был? — деловито спросил Жора.

В конце концов, если кто-нибудь из писателей был юристом, это вполне устраивало его и в отношении Вани.

— Этого я не знаю, но юридическое образование таково, что оно даёт знания в науках, необходимых писателю, — в области наук общественных, истории, права, литературы...

— Положим, эти дисциплины, — сказал Жора не без некоторого щегольства, — эти дисциплины лучше пройти в педвузе.

— Но я не хотел бы быть педагогом, хотя вы там и прозвали меня профессором...

— Всё-таки глупо, например, быть защитником на нашем суде, — сказал Жора, — например, помнишь, на процессе этих сволочей-вредителей? Я всё время думаю про этих защитников. Вот глупое у них положение, а? — и Жора опять засмеялся, показав ослепительно белые зубы.

— Ну, защитником у нас, конечно, неинтересно, у нас суд народный, но следователем, я думаю, очень интересно, можно очень много разных людей узнать.

— Лучше всего — обвинителем, — сказал Жора. — Помнишь, Вышинский? Здорово! Но всё-таки я бы лично не стал юристом.

— Ленин был юристом, — сказал Ваня.

— То другое время было.

— Я бы ещё с тобой поспорил, если бы мне не было ясно, что на эту тему — кем быть — спорить просто бесполезно и глупо, — сказал Ваня с улыбкой. — Надо быть человеком образованным, знающим своё дело, трудолюбивым, а если у тебя к тому же есть талант поэтический, он себя проявит.

— Ваня, ты знаешь, я всегда с удовольствием читал твои стихи и в стенгазете и в журнале «Парус», который вы выпускали с Кошевым.

— Ты читал этот журнал? — живо переспросил Ваня.

— Да, я читал этот журнал, — торжественно сказал Жора, — я читал наш школьный «Крокодил», я следил за всем, что издаётся в нашей школе, — сказал он самодовольно, и я тебе определённо скажу: у тебя есть талант!

— Уж и талант! — смущённо покосившись на майора, сказал Ваня и кивком головы закинул свои рассыпавшиеся длинные волосы. — Пока что так, кропаем стишки... Пушкин — вот это да, это мой бог!

— Нет, ты здорово, помню, Ленку Позднышеву продёрнул, что она всё у

зеркала кривляется... Ха-ха! Очень здорово, ей-богу! — с силой прорвавшимся армянским акцентом воскликнул Жора. — Как, как это? «Прелестный ротик открывала...» Ха-ха!..

— Ну, ерунда какая, — смущённо и глуховато басил Ваня.

— Слушай, а у тебя любовных стихов нет, а? — таинственно сказал Жора. — Слушай, прочти что-нибудь любовное, да? — и Жора подмигнул майору.

— Какие там любовные, что ты право! — окончательно смутился Ваня.

— Неужели, правда, не пишешь? — Жора вдруг стал серьёзным, и в голосе его появилась прежняя учительская нотка. — Правильно, что не пишешь. Разве сейчас время писать любовные стихи, как этот Симонов, да? Когда надо воспитывать народ в духе непримиримой ненависти к врагу! Надо писать политические стихи. Маяковский, Сурков, да? Здорово!

— Не в этом дело, писать можно обо всём, — раздумчиво сказал Ваня. — Если мы родились на свет и живём жизнью, о которой, может быть, мечтали целые поколения лучших людей и боролись за неё, мы можем, имеем право писать обо всём, чем мы живём, это всё важно и неповторимо.

— Ну, ей-богу, прочти что-нибудь! — взмолился Жора.

Невыносимая духота стояла в воздухе; они шли, то смеясь и вскрикивая, то переходя на тон интимно-доверительный, шли и жестикулировали, — спины под вельевыми мешками были у них совсем мокрыми; пыль оседала на лицах и, отирая пот, они размазывали её по лицу, и оба они — и смуглый, как негр, Жора и Ваня с длинным лицом с бледным загаром — и даже усатый майор походили на трубочистов. Но весь мир в эту минуту был для них — и они несколько не сомневались в том, что и для майора, — сосредоточен на том, о чём они говорили.

— Ну, что ж, я прочту...

И Ваня, не волнуясь, спокойным глуховатым голосом прочёл следующие стихи:

«Нет, нам не скучно и не грустно,
Нас не тревожит жизни путь,
Измен неизвестные чувства,
Нет, не волнуют нашу грудь.
Бегут мятежной чередою
Счастливой юности лета,
Мечты игривою толпою,
Собой наполнили сердца.

Нам чуждо к жизни отвращенье,
Чужда холодная тоска,
Бесплодной юности сомненья
И внутренняя пустота.
Нас радости прельщают мира,
И без боязни мы вперёд
Взор устремляем, где вершина
Коммуны будущей зовёт».

— Здорово! У тебя определённый талант! — воскликнул Жора, с искренним восхищением глядя на старшего товарища.

В это время майор издал горлом какой-то странный звук, и Ваня и Жора обернулись к нему.

— Вы, ребята... вы даже не знаете, какие вы ребята! — сипло сказал майор, с волнением глядя на них своими глубоко спрятанными под нависшими бровями влажными глазами. — Не-е! Такое государство стояло и будет стоять! — вдруг сказал он и с ожесточением погрозил кому-то в пространство коротким чёрным пальцем. — Он думает, он у нас жизнь прекратил! — с издёвкой в голосе продолжал майор. — Нет, брат, шалишь, жизнь идёт, и наши ребятишки думают о тебе, как о чуме или холере, — пришёл и уйдёшь, — а жизнь своим чередом, — учиться, работать! А он-то думал! — издевался майор. — Наша-то жизнь навеки, а он кто? Прыщ на гладком месте, сковырнули — и нет его!.. Ничего! Я в этом проклятом госпитале сам было пал духом, — неужто ж, думаю, на него и силы нет, — а как я к вам пришвартовался и иду, у меня полное обновление души... Думаю, многие клянут сейчас нас, армейцев, а разве можно? Отступаем, верно, так ведь он какой кулак собрал! Но подумайте, какая сила духа! Ах, боже мой! Да это счастье — стоять на месте, не отступать, жизнь отдать, — поверьте совести, я сам бы пошёл за счастье жизнь отдать, отдать жизнь за таких ребят, как вы! — с волнением, сотрясавшим его лёгкое, сухое тело, говорил майор.

Ваня и Жора, смолкнув, с растерянным и добрым выражением смотрели на него.

Майор высказался, поморгал, отёр усы грязным носовым платком и смолк — и так молчал уже до самой ночи. А ночью майор с внезапной энергией и яростью кинулся «рассасывать», как он выразился, гигантскую пробку из машин, подвод и артиллерийского обоза, и Ваня и Жора навсегда потеряли его из виду и тотчас же забыли про него.

На побережье Каспия

Тамара Адолева

Фото доктора биологических наук С. И. Огнёва

Мерно постукивает мотор «Лотоса». Мы приближаемся к границе заповедника. Перед нами вывеска: «Астраханский государственный заповедник». Он существует с первых лет советской власти, сам Владимир Ильич Ленин утверждал проект его организации.

Здесь живут на свободе ценные промысловые животные. Здесь отдыхают и «жируются» стаи перелётных птиц. С крайнего севера, из далёкой сибирской тайги, из лесов средней полосы летят они осенью на юг. И все они останавливаются в дельте Волги, на северном побережье Каспия, чтобы передохнуть, подкормиться и набраться сил перед дальним полётом.

Всё лето и осень я провела в заповеднике. Вот несколько записей из моего дневника.

Ночь на взморье

Наш кулак (маленькая лодочка) беснуемо пристал к небольшому островку. Никто не заметил нашего появления. Мы выжили на берег. Осмотрелись. Множество следов на песке — значит птицы здесь часто делают свои остановки. Чтобы не тревожить население острова, мы решили не зажигать костёр. Постелили брезент в лодку и легли, накрывшись тулупами. Моя спутница скоро заснула, а я лежала, широко открыв глаза, и всматривалась в темнеющее небо.

Одна за другой тянулись стайки гусей и казарок. Сначала были видны их силуэты, а потом, когда стало темнее, слышно было только перекликанье стай и свист крыльев. Гуси кричали, как всегда, тубо и гулко, а казарки тонко и пискливо. В стороне монотонно лихал кулик-улит. Он как бы жаловался на что-то. Часто летели краковые. Они тихо дерекликались между собой, покрикивали. А иногда к разговору краковых присоединялось нежное посвистывание: вместе с краковыми утками летели чирки-свистунки.

Вот плеснулась волна: это выпрыгнул из воды сазан и звонко шлёпнулся обратно. В стороне захлопали чьи-то шаги. Это идёт четвероногое. Слышно, как оно переставляет ноги, как оста-

навливается, и тогда вода струйками стекает с намоченного брюха. Это, наверно, кабан.

Быстро проходит ночь. Опять на небе стали заметны стайки птиц.

Хлопанье крыльев привлекает моё внимание. Я приподнимаю голову.

На соседней песчаной косе ночевала стая пеликанов. Их было не менее сотни. Почувствовав

Баклан — хищная и жадная птица, единственная, которую здесь истребляют.

близкий восход солнца, они вставали во весь рост, расправляли крылья и, покачиваясь из стороны в сторону, медленно шли к морю. Несколько пеликанов поднялись в воздух и, врезавшись в небо, пошлыгли, как белые парусные корабли, как слитки серебра, сверкая в первых лучах солнца. Даже глазам больно смотреть на такую белизну.

С дальних кос шумно поднимались стаи гусей, казарок, лебедей, крохалей, бакланов, уток. Одни отлетали в ближайшие тростники, прячась там на днёвку, а другие взлетали высоко в небо.

вытягивались треугольником и брали направление прямо на юг.

До свиданья, друзья! Летите в Африку, Индию. А весной возвращайтесь к нам, на родину, на старые гнёзда!

Колонии

Мы едем по узкому еричку (протоку), среди берегов, заросших густым ивняком. Прибрежные ивы спускают над водой свои гибкие, тонкие ветви. На одной из ветвей я вижу пушистую шарообразную корзиночку. Издали мне кажется, что это — осиное гнездо. Висит эта корзиночка над водой и покачивается на ветру. И никто её не может достать ни сверху, ни снизу: до ствола далеко, и с воды не достанешь. Я подвигаюсь ближе. Теперь хорошо видно отверстие сбоку шара, как горлышко у кувшина, а из этого горлышка выглядывают пять крохотных головок. Это гнездо синички-ремеза. Весной она вьёт его из пуха отцветшей ивы.

Перед нами то и дело снимаются вспугнутые птицы. Они перелетают на несколько метров вперед и опять садятся. Сколько их тут! Иногда они совсем закрывают просвет впереди.

Мне хочется увидеть птиц поближе. И мы направляем наш кудас к берегу, пристаём под пологом ив, привязываем лодку к вздутым корням и идём в центр острова. Земля кругом белая от птичьего помёта, как будто известковой полита, и совершенно голая. Редкие травинки задыхаются здесь и погибают. Стволы деревьев тоже белые, как в саду у хорошего хозяина.

А поднимешь голову вверх — и остановишься! На каждом дереве два—три гнезда. Прямо над мной гнездо серой цапли. В нём два птенца. На

В кустарниках гнездится маленькая водоплавающая птица — каравайка.

соседнем, очень высоком дереве гнездо бакланов, тоже с птенцами, а чуть ниже, на том же дереве, гнездо большой белой цапли. Это всё крупные птицы. Они заняли верхний этаж. Там много света и тепла, а хищников с воздуха они не боятся. В среднем ярусе — гнёзда колинок, малых белых цапель. Меньше солнца попадает в их гнёзда, но зато безопасней. А из кустарников вытягивается серповидный клювик и блестит, как бузинка, чёрный глазок маленькой птички — каравайки. Тут же летают и рыжая цапля, самая мелкая из всех цапель.

И вижу, что наше появление беспокоит колонию. Мы расугали птиц. Не надо мешать им!

Встреча с волками

К своему стану (старая бостровина, котелок с ухой и два тулупа) мы вернулись к вечеру.

Солнце опускалось в море, золотая змеистая дорожка воды. Было ясно и тихо.

Вдруг раздался испуганный крик чаек. К нему присоединился гогот гусей и газарок, криканые уток. Вспугнутые стаи носились над нашими головами. Крупные белокрылые чайки стремительно пролетали над самой водой, задерживаясь у тростников и как бы пытались кого-то ударить крылом.

Беспокойство росло, шум усиливался. Особенно много птиц кружилось над зарослями ежеголовки, у ближайшей песчаной косы. Вглядевшись пристальней, я увидела там двух огромных волков.

Это самые крупные из всех наших птиц — пеликаны. Часто они ловят рыбу «артельно» — выстраиваются полукругом в воде и с шумом гонят рыбу на желкое место, к берегу.

Один из них стоял, приподняв переднюю лапу, как будто готовясь к прыжку, другой, вытянув голову в нашу сторону, ловил воздух поздрами. Они были от нас не более чем в двухстах метрах. Я со своей спутницей присоединилась к птицам: мы стали кричать, хлопать в ладоши, прыгать. Водя опустил поднятую лапу и медленно стал отходить. За ним потянулся и другой. Несколько раз они останавливались, оглядывались на нас. Видимо, не хотелось им уходить от близкой поживы. А птицы с криком провожали их. Долго ещё были слышны всплески воды, шлёпанье лап, шум крыльев.

Робинзон Крузо

Стою я и думаю: как угадать возраст острова? Вот впереди песчаная коса — небольшая и совсем обнаженная. Она образовалась недавно. Может, год, может, два года назад. Отложила река песок, вот тебе и остров! А вот рядом ещё островок. На нём видны отдельные травинки. Тонкие они, чахлые. И питания им мало, и солнца много, и ветер сильный.

В прошлом году ночевали здесь бакланы, чистили свои перья, лапы, клювы и оставили семена, а из них выросли растения.

А остров, на котором я стою, весь покрыт, как зелёным плющом, дружным, сплошным ивняком. У ивы семена с летучками. Как маленькие аэропланчики, прилетели семена на необитаемый остров, и через год здесь начал расти ивняк.

Но мне, зоологу, хочется знать: поселился уже здесь кто-нибудь или нет? Я расставляю по всему острову маленькие кашканчики.

Как только рассвело, я спешу к своим ловушкам. Холодно ещё и росно. Но я не могу больше ждать. Прохожу одну ловушку — пустая, другую — то же, третью — то же. Я, волнуясь, иду дальше. Знаю, что много зверьков здесь не может быть, но хоть бы один попался! И вот, наконец, в одном кашканчике я нахожу желтоватого зверька с чёрным ремешком на спинке и беловатым брюшком. Это обычная полевая мышь.

Как попала она на остров, когда кругом несутся потоки быстротекущей Волги, когда до ближайшего острова не менее двадцати метров, когда этот остров, так же как и все соседние, заливают в половодье вода?

Может быть, кто-нибудь из вас, ребята, ответит на этот вопрос?

Чилим

С трудом продвигается наша лодка сквозь сплошные заросли, покрывающие водную поверх-

Серая цапля — очень осторожная птица. Ради безопасности она часто строит гнездо далеко от воды, и ей приходится носить корм своим птенцам за несколько километров.

ность. Кругом плавают розетки листьев — зелёные, буроватые, лиловые, красные.

Я схватила одно растение рукой. За розеткой тянется толстый, как пшур, корень. А под розеткой пять водяных, диковинной формы орехов. Это и есть чилим, водяной, или чортов, орех, как его называют. Скорлупка у него твёрдая. Расколоть её можно только ножом. А внутри белое ядрышко. Тут же, в лодке, мы раскололи несколько чилимов и попробовали их. Но сырой он не очень вкусен: сладкий, но водянистый. Ну что ж, подождём до вечера, а пока посмотрим, кто приходил питаться чилимом кроме нас. Вот с берега ведут следы кабанов. Видно, как они спустились в воду, как мяли заросли чилима, как объедали его орехи. А вот следы тусей: один из них потерял пушистое белое пёрышко с грудки, а другой — серое, из крыла. Они оставили после себя раздавленные скорлупки с выеденными ядрами.

И мы решили устроить себе ужин из чилима! Надев бахилы (брезентовые чулки), мы спустились в воду и стали собирать чилим.

Вечером мы варим чилим в котле, колем его, очищаем от скорлупы и пропускаем через мясорубку. Из полученной муки варим кашу, а из остатков муки на сковороде печём лепёшки. Ну и вкусный ужин у нас получился! Каша из чилима — просто объедение!

«Каспийская роза»

Раздвигая ивняк, по колону в воде, мы пробираемся сквозь заросли. Ивняк, смешанный с тростником и перевитый вьюном, стоит сплошной стеной перед нами. Идти очень трудно. Но, наконец, кусты как бы расступились. Перед

нами поляна. На полуметровых стеблях величественно стоят огромные розовато-красные цветы. До них не достанешь рукой! А хочется посмотреть поближе чудесный цветок. Нагибаю стебель и заглядываю внутрь полузакрытого венчика. Он такой большой и нежный, розовые лепестки вытннуты, как две сомкнутые детские ладошки, а внутри янтарно-жёлтый частоклад тычинок. Это знаменитый лотос.

Подул ветерок — и зануршали, как бумажные, листья над головой. Они ничуть не меньше обычного детского зонтика. Диаметр их достигает восьмидесяти сантиметров.

Я замечаю, что окраска цветов лотоса различная, — почему это? Когда цветок лотоса только что распустился, он яркокрасный, пунцовый. На другой день он светлеет, становясь красновато-розовым, а перед увяданьем — он розовато-кремовый.

Когда лепестки осыпятся, остаётся коробочка с семенами. Одиноко висит она на высоком стебле, и звенит от ветра спелые семена, как в детской погремушке. А потом высыплются в воду, и на будущий год вырастают новые растения «кашпийской розы», как называют лотос местные жители.

«Кабаньи кочки»

Что это такое? На берегу насыпь. Метра два высотой и около двадцати метров длиной. Сделана она из земли, кусков дёрна, ветвей деревьев. А сколько следов на ней! Видно, что здесь когда-то собиралось много кабанов. А вот сбоку изодолговатый след выдры. Этот след нельзя спутать ни с чьим другим. Отпечатались плавательная перепонка и один коготок. А на самой середине кочки остался след лисицы. Видны округлые подушечки лисьих лап.

Внимательно обхожу кочку несколько раз и осматриваю каждый выступ, каждую впадину. Вот здесь сидела водянуха (водяная крыса). Она прыгнула с островка в воду, прочертив на земле

На полуметровых стеблях стоят огромные розовато-красные цветы лотоса.

хвостом борозду. Значит, к самой кочке подходила вода.

На этой кочке спасались от разлива животные. Недаром работники заповедника строят такие кочки. «Кабаньи» называют их потому, что главный зверь заповедника — кабан и он часто гибнет от наводнения. Ведь весной в дельте сплошное море. Вся суша залита водой. Мелкие зверьки спасаются на деревьях. В дуплах, развилках, на пнях можно видеть мышей, водяных крыс, землероек, горностая. И никто из них не трогает друг друга. Более крупные звери собираются на «гривах» — самых высоких участках земли, не покрытых водой. Но бывают годы, когда все «гривы» заливают. Тогда звери спасаются на кочках.

А для себя люди, чтобы спастись от воды, строят дома на сваях.

Многие из вас, ребята, были в прошлом году в пионерских лагерях. Вспомните, как хорошо провели вы там время. Далёкие походы, вечера у костра, военные игры, спортивные состязания, постановки, кружки — как всё это было увлекательно и весело! И у каждого из вас живы воспоминания о том, что ему понравилось больше всего. Наверно, многое из того, что было в прошлом году, вам захочется повторить и в это лагерное лето. А почему бы не поделиться своими воспоминаниями со всеми ребятами? Вот тут письма ребят из трёх лагерей: Метростроя, Академии наук и Наркомата судостроительной промышленности. Всё, о чем рассказано здесь, вы можете повторить и в своём лагере. Конечно, если это вам понравится.

Лагерная флотилия

Сначала мы делали только маленькие, величиной с ладонь, лодки из толстой сосновой коры. Их очень просто вырезать, они лёгкие и хорошо держатся на воде. Уходя на купанье, мы брали их с собой и испытывали на реке. Потом нам захотелось построить модель корабля. И вот тут-то началось!.. Мы страшно увлеклись. Мы рылись в журналах, рассматривая рисунки и фотографии, советовались со взрослыми, запасались необходимыми инструментами: рубанком, пилой, долотом. Для снастей мы сами сплели крепкую бечёвку.

Великим торжеством был спуск на воду нашего первого судна. Это была парусная яхта с простой оснасткой. Мы окрасили её в белый и красный цвета. При лёгком ветерке она быстро скользила по воде, разрезая её своим лёгким узким корпусом. Потом появились у нас линкор «Пионер» и небольшая флотилия военных кораблей, выкрашенных в защитный цвет.

Каждый день после подъёма лагерного флага мы поднимали на всех наших кораблях красные флажки. Затем мы сделали маленький порт. В лагере нашлось большое корыто, мы врыли его в землю и наполнили водой. На берегах этой «бух-

ты» мы построили портовые сооружения: маяк, мол и причалы. К маяку провели провода от аккумуляторной батареи, и вечером наш маяк был освещён.

Когда в лагерь на праздник приехали наши родители, им очень понравились наш порт и корабли, хотя в них было много недостатков, которых мы не заметили. Но наши отцы, конечно, их сразу обнаружили. Ведь они строят настоящие боевые корабли.

Виталий Колпанец

Походная палатка почти готова.

Дружба с госпиталем

Прошлым летом я была в лагере Метрострой. Рядом с нами находился военный госпиталь, и мы взяли над ним шефство. Дежурные девочки помогали убирать палаты, подавали раненым лекарства, читали им книги, писали письма. Каждый день мы приносили в госпиталь целые охапки цветов. На тумбочках у бойцов всегда стояли свежие букеты. Часто мы приносили в госпиталь корзинки с ягодами, собранными в лесу. С каким удовольствием ели раненые душистую, сочную малину и землянику!

Мы часто выступали в госпитальном клубе. Штаб лагеря обсуждал программу концерта, затем распределял её между отрядами. Больше всего бойцы любили коллективные выступления: хорошее пение, шумовые оркестры, коллективные танцы, шуточные пьески — поэтому к ним мы особенно тщательно готовились.

Бывали раненые и у нас в гостях — на лагерных кострах. Бойцы рассказывали о фронте, о фронтовой дружбе, о боевых подвигах.

Мы часто вспоминаем о раненых бойцах и командирах. Если в этом году поедem в лагерь, снова будем работать в госпитале.

Галина Крейнина

Наша бабушка

Мы работали на колхозном огороде. К нам подошла старушка, присела около нас и заговорила. Её звали Матрёной Степановной. Ей было семьдесят лет. Несколько сыновей Матрёны Степановны погибли на фронте. Дочка умерла в Ленинграде во время блокады.

Матрёна Степановна пригласила нас к себе, и мы отправились к ней в тот же день. Комната старушки оказалась небранной, залущенной. Видно было, что некому помочь ей по хозяйству. Наш отряд решил взять это на себя.

Каждый день одно из звеньев ходило к бабушке. Мы убрали её комнату и двор. Сняли на окна занавесочки из марли, часто приносили свежие цветы. В сельсовете мы выхлопотали бабушке пособие, которое до этого почему-то не выплачивалось. Мальчики заготовили трез на целую зиму. Каждый день мы сообщали Матрёне Степа-

Друзья рассматривают картинки.

новне, какие новости на фронтах. А она рассказывала нам о том, как жили в детстве. И как же интересно было слушать её!

Уезжая из лагеря, мы оставили в нашем отрядном палатке пионерам следующей смены письмо, в котором просили не оставлять нашу бабушку и продолжать заботиться о ней.

Инна Гуревич

Вечер цирка

В этот вечер зелёная лесная полянка превратилась в... цирковую манеж. На неё «постелили» пышный ковёр из мха, а вокруг посыпали песком.

На арену выбежал Чарли Чаплин, — а попросту говоря, Милия Милейковская — и возвестил о выступлении клоунов Тинтель и Винтель. Один за другим быстро и весело сменялись забавные номера. Вот на арене знакомые всем фигуры Пата и Патамона. Их акробатические упражнения прошли превосходно. И даже когда у Патамона неожиданно упал «живот», обнаружив самое несомненное сходство с обыкновенной подушкой, зрители ещё больше развеселились.

Выступал у нас и свой Кю — Петя Зоркий. Его фокусы имели, пожалуй, самый большой успех. Но мне всё-таки больше всего понравились «знаменитые эквилибристы на проволоке». Униформисты вынесли на арену два стула и положили между ними верёвку. Под звуки вальса на цыпочках, как балерины, выпорхнули Дима Карташов и Юра Алексеев: в коротких юбочках, с

бантами на голове, с бумажными веерами. Они так старательно балансировали, и лица их были так напряжены, как будто верёвка, на которой они танцевали, была на самом деле натянута под куполом цирка, а вовсе не лежала на земле. И поэтому получалось очень смешно.

В этом году в лагере мы обязательно снова устроим вечер цирка.

Анатолий Крыль

Маленький зоопарк

Юннатский кружок организовался у нас сразу же, как только мы приехали в лагерь, в первый же день! Мы сначала и не подозревали, сколько интересного найдём вокруг. Раньше мы проходили мимо разных цветов и трав, не думая, что у нас под ногами целая «аптека», а теперь юннаты лагеря стали разведчиками и сборщиками лекарственных растений.

Мы часто ходили в лес, на речку, в поле и каждый раз возвращались с образцами растений, с жуками, бабочками, ящерицами.

Постепенно у нас возник свой маленький «зоопарк»: в нём жили ящерицы, водяные жуки-плавуны, ужи, большой ёж, белка. Мы ухаживали и наблюдали за ними. А один раз мы убили змею, сделали вскрытие, изучили её внутреннее строение. Образцы лекарственных и других полезных растений мы засушили и наклеили в альбом, собрали большую коллекцию бабочек и личинок. Эту коллекцию мы выставили в клубе лагеря, и она понравилась всем ребятам.

Благодаря кружку мы узнали много нового и интересного о природе родного края. С нетерпением жду я в этом году поездки в лагерь и заранее запасался всем, что необходимо настоящему натуралисту: совком, булавками, коробочками, пинцетом, лупой, иглами для препарирования, чашками и т. д.

Сеня Гуианский

Как мы выручили товарищей

Утром ребята узнали, что инструктору физкультуры Анне Степановне придётся съездить в Москву. Ее вызывал Институт физкультуры. Все

«Враг там, за кустами... Огонь!»

любили Анну Степановну и были огорчены предстоящей разлукой. Я отпустила трёх мальчиков, членов штаба лагеря, проводить Анну Степановну до станции.

Утром все были встревожены, узнав, что мальчики в лагерь не вернулись. На линейке я успокоила ребят, высказав предположение, что по дороге к станции их кто-то напугал, они уехали в Москву и вернутся сегодня утром.

Однако время шло, а ребята не возвращались.

Вдруг на территорию лагеря вбежал начальник штаба лагеря Володя Мионов и бросился ко мне. Обычно подтянутый и аккуратный, Володя был весь взлохмачен: одежда его была в беспорядке, лицо и руки в пыли, одна нога босая. Тяжело дыша, он рассказал о том, что вчера по дороге к станции на них напали неизвестные люди, водили несколько часов по лесу и привели в овраг. Утром их повели дальше; Володе удалось убежать.

— Горнист, тревогу! — скомандовала я.

Прозвучал тревожный сигнал горня, и все пионеры выстроились, ожидая приказа.

— Пионеры, — сказала я, — вы слышали рассказ Володи. Ваши товарищи в опасности, выручим их из беды. Приказываю: мальчикам 1-го и 2-го отрядов вооружиться и через 3 минуты выстроиться у калитки. Девочкам принять на себя охрану лагеря.

Через три минуты «вооружённые» макетами винтовок и дроболем ребята выстроились у калитки. Девочки упрощали взять их с собой, но мы их оставили в лагере.

Не теряя времени, тронулись в путь. Впереди шёл Володя.

Вскоре мы подошли к оврагу, где виднелись следы ночёвки: смятая трава, погасший костёр. Ещё некоторое время вёл нас Володя, а потом сказал: «Вот отсюда я убежал, и куда они пошли дальше, — не знаю».

Ребята молча осмотрелись. Трощинка в этом месте раздвигалась. Деревья и кустарник росли так густо, что скрыли бы человека и в пяти шагах от трощинки. Куда направить поиски?.. Тогда вперёд вышли лучшие «следопыты» лагеря. Они бесшумно двинулись в разведку. Остальные шли за ними, держа оружие наготове. Вскоре один из разведчиков вернулся и показал клочок бумаги, который он нашёл на ветке куста.

Мы углубились в лес, находя дорогу по оставленным кое-где знакам: то это была пуговица, то обломанная веточка, то клочок бумаги, то стрела на дорожке. Дважды обрывались следы: на берегу ручья и в зарослях ельника, — и оба раза нас выручал зоркий глаз разведчиков.

Следы вывели нас на большую поляну и снова оборвались. Посредине поляны, на большом пне, что-то чернело. Вбег бросились ребята к пню. На нём лежал чемоданчик Анны Степановны и в нём записка: «Мы здесь. Ищите».

Все рассыпались по поляне. Вскоре раздался радостный возглас: «Вот они! Они здесь!»

Пионеры увидели Анну Степановну, Мишу и Бориса, которые, улыбаясь, вышли на поляну.

— Ребята! — сказала я. — Это была игра. Вы оказались хорошими товарищами и смелыми, находчивыми разведчиками.

Ни Анна Степановна, ни мальчики в лесу, конечно, не почевали. Они незаметно вернулись в лагерь, крепко выспались, а рано утром ушли в овраг, где инсценировали следы ночёвки, оставили дорожные знаки и т. д.

На верхушку сосны в разведку.

Туристы вышли в поход.

Да, всё это была игра. Но хочется добавить, что игру мы могли провести так удачно лишь благодаря тому, что все пионеры были хорошо натренированы, умели быстро построиться, знали дорожные знаки, умели ориентироваться в лесу.

*Ирина Берман,
старшая вожатая лагеря Наркомта
судоостроительной промышленности*

Разговор флажками

Когда пионеры выучили обозначение каждой буквы и натренировались в сигнализации, штаб отряда решил провести военную игру. Отряд был разбит на «красных» и «синих». Цель игры заключалась в том, чтобы захватить флаг, стоящий на границе между территориями «красных» и «синих». У каждой группы был свой пароль. На расстоянии пяти метров разговаривать или передавать команды голосом не разрешалось. Разговаривать можно было только при помощи флажков, «писать флажками», как выражаются сигнальщики. Передача начиналась с пароля и кончалась фамилией передающего. У каждой группы были свои разведчики, и, конечно, они старались выведать планы противника. Так что «писать» надо было быстро и осторожно. Мы передвигались по лесистой местности, нам встречались засады, все волновались за своих разведчиков, ушедших в тыл «врага». Игра прошла очень весело.

Миля Ордина

Повесть о зеленом сундучке

И. Василенко

(Окончание)

Рис. Б. Винокурова

СЛЕПОЙ ИГРАЕТ

Было ещё темно, когда мы добрались до «Аула». Измученные переправой через горную реку, мокрые, продрогшие, мы залезли в чей-то двор и там зарылись в стог сена, тесно прижавшись друг к другу.

Теплота разлилась по моим жилам. Я слышал шопот Саура, силился понять, что он говорит, но слова чуть касались моего сознания.

Открыл я глаза от толчка в бок — и сразу вспомнил, где мы. Тьма уже поредела, стала прозрачной, как синий хрусталь. И, как скванные хрусталём, перед нами недвижно стояли дроги, спящая на ногах лошадь и высокий с облетевшими листьями скелет тополя.

— Слушай, — шепнул Саур. В его шопоте я почувствовал напряжение и озабоченность. — Что это, а?

Издаലെка, то замирая, то вновь рождаясь, плыли и таяли в синем воздухе певучие звуки. Мягкие, матовые, они чем-то напоминали пощип без слов человеческий голос. Им ответил другой звук, чистый и хрупкий, как звон льдинки, и, переплетаясь, оба звука запели спокойную и торжественную песню.

Саур напряжённо вытянул из сена голову:

— Это он, я знаю, это он.

— Слепой?

— Да.

Не сговариваясь, мы встали, даже не страхнувшись с себя сено, и молча, как лунатики, пошли на звук.

Вот он уже совсем близко. Мы обогнули плетёный коровник и прямо перед собой, во дворе, увидели сидящего на большом камне человека. У рта он держал рог с металлическими пластинками. Мы остановились, боясь прервать его песню. Он положил рог на колени, помолчал и тихо, не поворачивая к нам головы, сказал:

— Кто-то стоит около меня. Двое.

— Коншобий, это мы, — так же тихо ответил Саур. — Ты узнаёшь мой голос?

Слепой помолчал, как бы проверяя себя, потом сказал:

— Вы часто ходили на Красивую улицу. Вы друзья Байрама.

— Правда, Коншобий, правда! — обрадовался Саур. — Мы друзья его на всю жизнь. Но скажи, Коншобий, зачем ты играешь в такую раннюю пору? Все спят, и никто тебя не услышит.

Губы слепого тронула тихая улыбка:

— Он услышит. Я знаю, он не спит. Пусть же, слушая мою песню, он не чувствует себя одиноким, пусть знает, что сердце его друга с ним.

— Коншобий, ты говоришь о Байраме? Да? Так где же он? Скажи нам скорее! Мы пришли спасти его.

— Он в доме Суры, своей дочери. Германцы повесили замки и поставили часового, а сами уехали.

— Уехали?

— Да, они уехали в Нижний Баксан искать Шуму.

— Искать Шуму?! — обрадованно воскликнули мы. — Значит, Шумы здесь нет?

Слепой пожал плечами.

— Коншобий, не скрывай от нас! — умоляюще зашептал Саур. — Мы знаем, зачем им Шума. Они хотят мучить её на глазах Байрама.

— Я не знаю, где Шума. Когда германцы приехали, дом Суры был пуст. Германцы созвали народ и обещали тысячу марок тому, кто скажет, где Шума. Но люди молчали. Тогда выступил Асхат Исаев, тот, что хорошо танцует, и сказал: «Я знаю, где Шума. Три дня назад я был в Нижнем Баксане, я видел, как Сура с Шумой приехали туда на арбе».

— Предатель! — воскликнул Саур.

Та же нежная улыбка осветила лицо слепого:

— Асхат хворал больше месяца, он не был в Нижнем Баксане. А Шуму я вчера учил на этом месте петь под мой рог.

Саур растроганно положил руку на плечо слепого:

— Пусть простит Асхат мой дурное слово. Но скажи нам ещё, Коншобий: не была ли с германцами в машине девочка с двумя косами? Такая грустная девочка?

— О девочке мне никто не говорил.

— Не говорил!.. — вздохнул Саур.

— Нет. С германцами была старая свинья. Она говорила по-кабардински. Но её никто не слушал. Старая свинья!

Слепой презрительно плюнул.

— Коншобий! — Саур умоляюще сложил на груди руки: — Ты много жил на свете, ты всё знаешь. Скажи: как спасти Байрама?

— Как спасти Байрама?.. — медленно повторил слепой и покачал головой. — Как спасти Байрама?.. В «Ауле» остались только

Вот часовой опять вышел из-за угла дома.

женщины и дети. Даже Аскат ушёл. Кто же спасёт Байрама!

— Мы спасём, Коншобий, мы!.. — жарко зашептал Саур. — У нас есть кинжал. Научи только, Коншобий, как нам действовать!

Опустив низко голову, слепой молчал.

— Ты не доверяешь нам, Коншобий! — в отчаянии сказал Саур. — Ты думаешь, что мы ещё дети. Что ж, мы будем действовать сами. Идём, — схватил он меня за руку, — идём к дому Суры! Мы тихо-тихо подкрадёмся к нему.

Слепой поднял голову и медленно повёл ею, точно хотел кожей лица ощутить воздух.

— Светает... — прошептал он. — Светает... Часовой обернётся на ваши шаги и увидит вас. Нет, так не спасти Байрама, нет...

Он опять задумался, и по лицу его заскользили лёгкие, как от крыльев птицы, тени. Мы ждали не шевелясь.

— Подойдите ближе, — сказал он наконец. — Слушайте... В доме две двери. Одна выходит во двор, другая — на улицу. На дверях замки. Часовой ходит вокруг дома. Пусть один из вас станет моими глазами, пусть другой станет руками Байрама. Пусть этот рог, сделанный им на радость людям, послужит теперь для его спасения.

ВОЛШЕБНЫЙ РОГ

Вот он, домик Суры. Весь в затейливой резьбе, выкрашенный в голубую краску, он похож на те домики-игрушки, которые вешают на ёлке. Конечно, это Байрам так его разукрасил.

Мы стояли с Коншобием во дворе противоположного дома; нас скрывал ещё не облетевший куст сирени. Сквозь его листву я следил за часовым.

Саура с нами нет. Саур там, во дворе, за скирдой сена. Он ждёт знака. Он один, и мне страшно за него. Но я должен быть около слепого.

Вот часовой опять вышел из-за угла дома.

Я шепчу:

— Он здесь. Стоит.

Слепой поднёс рог ко рту. Тусклый, однотонный звук проплыл в воздухе и замер. Часовой чуть поднял голову. Прошла минута молчания, и из рога полилась странная песня: глухие, ленивые звуки на что-то скучно жаловались и, теряя охоту жить, сонно замирали. Слушая, я постепенно стал терять представление о том, что меня окружало. К ужасу своему, я начал дремать. Не знаю, сколько прошло времени, только я

почувствовал, что слепой осторожно прикоснулся ко мне рукой. Часовой попрежнему стоял у двери дома. Он тоже дремал: спина его была слегка согнута, голова опущена вниз. Казалось, он что-то рассматривал у себя под ногами. Всё ниже и ниже опускалась его голова, всё больше гнибалась спина. Вдруг он вздрогнул, выпрямился и удивлённо посмотрел по сторонам.

И вот он опять истукан. Как заведённый повернулся влево и деревянно шагага. — Поворачивает за угол, — торопливо шепчу я слепому.

Из рога вылетел резкий, предостерегающий звук — и песня смолкла.

От стука сердца было трудно дышать. Успел ли Саур отскочить от двери и спрятаться за скирду? Не заметил ли часовой следов его работы?

Вот солдат опять появился из-за дома, подошёл к двери и стал, точно в нём лопнула пружина.

— Здесь! — радостно шепнула я.

Слепой поднял рог. Чтоб не поддаться действию песни, я мысленно принялась читать какие-то весёлые стихи.

— Нет, я не поддамся, нет, не поддамся! — шепчу я и таращу глаза на часового.

Да, он дремлет! Уперся спиной в стену дома, свесил голову и дремлет. Ах, только бы он подольше не проснулся! «Саур, милый, дорогой! — молю я мысленно своего друга. — Ты такой сильный и ловкий — скорее же выкручивай этот проклятый замок!»

Из рук часового выскальзывает автомат и падает на землю. Часовой вздрогнул. Нагнулся, поднял, трёт глаза.

— Играй, Коншобий, играй! — шепчу я. — Он опять заснёт.

Нет, он спать не собирается. Подался корпусом вперёд и смотрит. Чорт возьми, да он смотрит прямо на наш куст! Неужели заметил? Впрочем, что же, мы только играем, разве играть запрещено? Мы можем даже выйти из-за куста и показаться ему. Пусть смотрит на рог и удивляется. А Саур тем временем... Но он поднимает автомат, он целится в куст...

— Коншобий! — шепчу я. — На землю! Падай на землю!..

И падаю сам.

Мы лежим не шевелясь. Пусть израсходует очередь. Тогда мы вскочим и перебежим за сарай. А пока лежать! Лежать пластом! Стреляй же, гадина, стреляй скорей!..

Тишина... Я осторожно поднимаю голову — и с криком радости бросаюсь вперёд: с автоматом в одной руке, с кинжалом в другой, белея забинтованной головой, высокий и лёгкий, к нам идёт Байрам.

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Мы поднимались всё выше и выше в горы. Впереди, опираясь на автомат, шагала Байрам. Ни тропы, ни зарубки на дереве. Как он находит направление, неизвестно. Слепой, Саур и я следуем за ним цепочкой. Яркое светит солнце. Сквозь воздушный узор золочёной листвы сияет голубое небо. Тихо

так, что слышно, как где-то далеко ползёт в сухой траве змея.

А ведь совсем недавно над нашими головами выли мины и, как в бурю, трещала кругом лес. Слишком поздно обнаружили фашисты труп часового. Когда они начали по нас стрелять, мы подошли уже к лесу.

Всё медленнее идёт Байрам, всё тяжелее его поступь. Вот он прислонился к медному стволу сосны и стоит, полузакрыв глаза. На лице его боль и досада.

— Байрам, — третий раз предлагает Саур, — мы слетём носилки и понесём тебя. Нам нетрудно, Байрам.

Но Байрам только упрямо морщит лоб.

На крошечной полянке мы прилегли и несколько минут отдыхали. Отсюда, как в перевёрнутой бинокль, виднелся Нальчик: далёкий и чёткий. Подперев лицо ладонями рук, Саур смотрит на него неподвижными глазами. Густые брови его сдвинуты, рот крепко сжат. Он кажется мне взрослым. Я не спрашиваю, о чём он думает, я знаю: он думает о том, что тяжёлым гнётом лежит и у меня на душе: мы свободны и уходим от фашистов всё дальше и дальше, а Этери...

— Саур, — сказал я тихонько, — мы проводим Байрама в безопасное место, а сами вернёмся в Нальчик.

Он быстро повернул голову:

— Ты умеешь читать мои мысли, да?

— Это же просто, Саур: мы обещали никогда не оставлять её.

Прислонившись спиной к камню, смотрел на далёкий город и Байрам. Смотрел пристально, внимательно, точно изучал его.

— Байрам, — осторожно спросил Саур, — нам ещё долго идти? Не думай, что мы устали, нет... Но...

— Мы придём к вечеру.

Тем же внимательным взглядом он посмотрел в наши лица и добавил:

— Там я и Коншобий останемся, а вы, трое, пойдите дальше. В добрый путь!

— Как трое? — с недоумением спросил Саур. — Кто же ещё с нами?

— Этери, — спокойно ответил Байрам.

— Эте-ери?!

— Да, Этери, — так же спокойно повторил Байрам. — Если она там, — он посмотрел в сторону Нальчика, и в глазах его вспыхнула зеленоватый огонёк, — я заколю ещё сто часовых. Но её там не должно быть. Она там, — он кивнул в сторону гор. — Иначе как могло это случиться?

Мы ничего не понимали, но уверенность, с которой Байрам это говорил, рассеяла наши опасения.

— Зачем же ты молчал, а? — с радостным изумлением воскликнул Саур.

Слепой вдруг сделал предостерегающее движение рукой и прислушался. Мы умолкли и тоже стали слушать. Но ничего, кроме обычных лесных шорохов, уловить не могли.

— Идут, — шепнул слепой.

— Много? — так же тихо спросил Байрам и потянулся к автомату.

— Впереди — один, потом — много.

— С горы или в гору?

Слепой опять прислушался

— С горы.

— Наши, — со спокойной уверенностью сказал Байрам и не торопясь стал подниматься.

Сдерживая дыхание, мы стояли и слушали. Попржнему всё тихо. Только шепчутся листья. Не послышалось ли всё это слепому? Нет, он улыбается и точно в такт шагам качает головой.

Где-то близко прокуковала кукушка.

— Четыре, — насчитал Байрам и одобрительно засмеялся. — Он нас видит, а мы его — нет. Но он не узнаёт нас. Коншобий, скажи ему.

Слепой поднял лицо вверх и зашвыстал.

Тотчас же захрустели сучья. Из чащи орешника выбежал подросток в кабардинской, расширяющейся кверху шапке, в полинялой синей рубашке, с кошолкой в руке.

— Асхат! — радостно воскликнул Саур, бросаясь подростку навстречу.

С горы спускались вооружённые люди и окружали Байрама. Одни из них были в черкесах и кавказских шапках, другие в красноармейских шинелях, третьи — в ватниках. И было странно видеть на одном и том же человеке кинжал в старинной серебряной оправе и новенький автомат. Я не знал языка, но было понятно, что все удивлены и орадованы: они спускались в «Ауле», чтобы освободить Байрама, а Байрам сам шёл им навстречу.

— Друзья, — взволнованно сказал Байрам, поднимая вверх автомат. — Волчье сердце того, кто пришёл с этим оружием на нашу землю, истекло кровью. Пусть же горит, не остывая, под ногами захватчиков наша земля!

— Пусть горит! Пусть горит! — закричали партизаны, подняв вверх автоматы.

Байрам оглянулся и подволаз бас взглядом. Мы стали по обе его стороны.

— Вот двое юношей. Всё у них впереди. Но они не думали о своей молодой жизни, когда спасали мою, старую. Так пожалеем ли мы свою кровь, чтобы спасти жизнь наших детей!

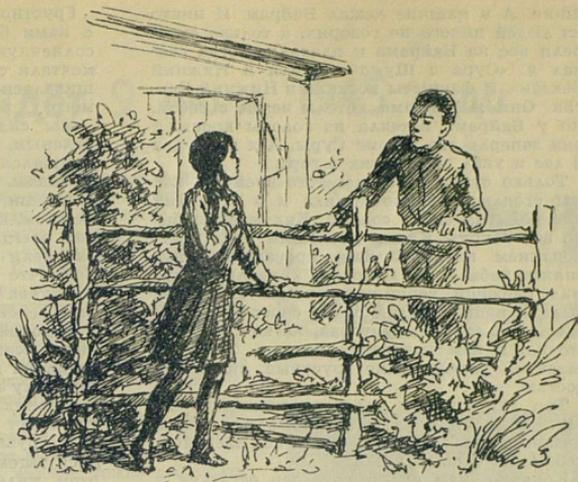
РАССКАЗ АСХАТА

Через несколько минут отряд двинулся в путь. Шли в горы. Как ни противился Байрам, его всё-таки уложили на носилки и понесли.

Саур, Асхат и я шли сзади.

— Рассказывай же! — торопил Асхата Саур. — Ничего не пропускать, ну?

— Зачем пропускать? — невозмутимо отвечал Асхат. — Я всё расскажу, как было, Ну, постукал кто-то в окно. Я вышел из дома на улицу, а она стоит у плетня. При-

— Здравствуй, бичо! Пожалуйста, скажи, где живёт Шума.

жала руки к груди, никак отдышаться не может. Увидела меня и говорит: «Здравствуй, бичо! Пожалуйста, скажи скорее...»

— Бичо?! — воскликнул Саур. — Конечно, это была Этери! Меня она тоже называла бичо, но я ей сказал: «Я Саур, а не бичо», — и она стала звать меня Сауром.

Асхат недоуменно посмотрел на Саура.

— Бичо — значит мальчик. Это по-грузински, понимаешь? Так вот и говорит она: «Здравствуй, бичо! Пожалуйста, скажи скорее, где живёт Шума». Я сказал: «Это смешно. Разве Шума одна? В «Ауле» в каждом доме есть Шума». «Нет, — говорит, — бичо, я спрашиваю о внучке Байрама. Пожалуйста, проводи меня к ней». Я сказал: «Зачем тебе Шума? Ты девочка большая, Шума маленькая. Большие девочки ходят к большим, а маленькие — к маленьким. А ты, большая, идёшь к маленькой». Тогда она рассердилась и сказала, что я болтун и что со мной нельзя вести серьёзное дело. А я нарочно говорил так длинно, потому что мне хотелось посмотреть на неё. Но когда она так сказала, мне стало стыдно, и я повёл её к дому Суры. Мы не шли, а бежали, а она всё просила: «Скорей! Скорей!». И я уже не смотрел на неё, а только бежал. И вот мы вбежали в дом Суры, и девочка крикнула: «Скорей, прячь Шуму! Сейчас придут фашисты. Они будут мучить Шуму на глазах Байрама, чтоб Байрам выдал тайну голубого камня!» Проговорила так — и упала, потому что очень быстро бежала через горы по тропинкам, от самого Нальчика. Тогда Саур взяла на руки Шуму, а я — быстроногу девочку, и мы пошли к лесу. У опушки я сказал: «Ждите меня здесь» — и вернулся в «Ауле». Там уже стояла фашистская машина, и фашистский офицер всех спрашивал, где Шума, внучка человека, что лежит в ма-

шине. А в машине лежал Байрам. И никто из людей ничего не говорил, а только смотрели все на Байрама и плакали. Тогда сказал я: «Сура с Шумой уехали в Нижний Баксан». И фашисты поехали в Нижний Баксан. Они и Байрама хотели везти с собой, но у Байрама потекла из головы кровь, и они заперли его в доме Суры. А я вернулся в лес и увёл всех троих в горы...

Только сутки прошли с того времени, как мы стояли у своего домика и в отчаянии смотрели на закат солнца. Как мрачно было всё вокруг! Каким зловещим предзнаменованием казалось нам кроваво-огненное сияние неба! И вот мы опять увидели солнце над снежной вершиной хребта. Но разве была в нашей жизни более счастливая минута, чем эта?! С пригорка, лёгкая, как ласточка, к нам навстречу неслась Этери. И глаза её, всегда такие грустные, сияли радостью.

Три дня провели мы в партизанском лагере. Воду пили из ручья, питались мясом фазана и дикого кабана, спали под звёздным небом, на словых ветках.

Конечно, нам очень хотелось остаться в отряде. Несколько раз мы принимались убеждать Байрама не отсылать нас, сылалась на Асхата, который всего лишь на год старше нас, а уже несёт в отряде службу разведчика, показывали свои бицепсы. Но Байрам всякий раз отвечал, что нам дела хватит на всю нашу долгую жизнь, а здесь и без нас обойдутся.

Поправлялся он очень быстро: кроме Этери и Суры за ним ухаживала и маленькая Шума, а это, как он говорил, было самым лучшим лекарством на свете.

ЗЕЛЕНЫЙ СУНДУЧОК

И вот наступил день, когда мы двинулись в далёкий путь.

Было раннее утро. Солнце только что встало и расплавленным золотом обило снега далёкого хребта. Над хребтом тихонько таяли золотисто-алые облака. Готовые в путь, мы сидели на розовом от солнца выступе скалы и ждали Байрама. Перед нами, опершись обеими руками на длинную палку и согнув спину, стоял Ибрагим, старый пастих. Вчера он вернулся из дальнего аула, куда отвёл Суру и маленькую Шуму, а сегодня неведомыми тропами поведёт нас на «Большую землю». В одно время с нами в путь двинется и отряд, только — в противоположную сторону. Это будет его первый боевой поход. Поведёт отряд Байрам.

Грустно было расставаться нам с ним, но с нами была Этери; путь наш шёл на её солнечную родину, увидеть которую мы так мечтали с Сауром, и невольная печаль смешивалась с трепетным ожиданием неведомого.

Мы сидели притихшие, отдаваясь своим неясным, волнующим чувствам. Но вот послышался шорох шагов. Мы обернулись. Иза скалы, стройный и лёгкий, с тонкой, как у юности, талией, стянутой кавказским ремешком, к нам шёл наш друг. Был он таким, как всегда; только не смеялись глаза: они смотрели внимательно и грустно.

Но что это у него за плечами? Неужели сундучок? Конечно, это сундучок, его старый зелёный сундучок!

Подойдя, Байрам раскрыл широко руки, обнял всех нас троих вместе и тихонько посадил на выступ скалы. Потом и сам сел. Минутку все молчали. И вот голосом, тихим и проникновенным, голосом, который всегда будет звучать в моей душе, он сказал:

— Друзья мои, так уж водится: встречаются затем, чтоб расставаться. Не надо об этом жалеть, надо только сохранять хорошие чувства.

Он неспеша снял с плеч сундучок и поставил его себе на колени:

— Друзья мои, возьмите это на память о нашей встрече и нашей дружбе. В сундучке нет голубого камня, который делает жизнь счастливой. Нет такого камня и нигде на свете. Это сказка. Но в каждой сказке есть своя правда. А правда в том, что человек хочет счастья и постройт его своими руками. Что в нём, в этом зелёном сундучке? В нём только маленькие помощники человека в его труде.

Друзья мои, сколько голубых цветов потоптали на нашей земле фашистские псы, сколько разрушили чудесных городов! Но псы сгниют в земле, а человек пойдёт своей дорогой к счастью. Кому же, как не вам, передам я своих верных помощников теперь, когда руки мои заняты другим!

Глаза его опять засияли молодо и весело. Он встал и обнял каждого из нас:

— Так в добрый путь! За счастьем!

И, так же легко шагая, скрылся в лесной чаще, где уже гудели партизаны. С минуту ещё доносился их невнятный говор, потом раздалась команда — и всё смолкло.

Только слышно было, как всё дальше и дальше под их ногами хрустели сучья.

С затуманенными глазами мы подняли зелёный сундучок и двинулись в путь.

Что произойдёт 9 июля 1945 года

«Количество света, видимо, убывает; но так как нет сгущённых теней вечера, нет игры отражённого на низших слоях атмосферы света, то эти сумерки кажутся необычными и странными. Пейзаж будет расплываться в чёт-то; трава теряет зелень, горы как бы лишаются своей тяжёлой плотности», — так описывает приближение полного солнечного затмения В. Г. Короленко.

Вслед за этим Луна как бы тёмной круглой заслонкой закроет Солнце. На потемневшем небе проступят яркие звёзды и планеты. А там, где ещё недавно светило яркое Солнце, вокруг чёрного провала — диска Луны, — будет сиять серебристый с изумрудным оттенком ореол, так называемая солнечная корона. Ниже её струятся красновато-розовые протуберанцы, нечто вроде смерча, облака раскалённых газов, составляющих солнечную оболочку.

Эту картину многие из вас, ребята, смогут наблюдать этим летом. 9 июля произойдёт событие, интересное и для людей, никогда не занимавшихся астрономией, — полное затмение Солнца.

Это красивейшее и величественное явление можно наблюдать воезде, а только в тех местах, где промчится по земной поверхности тень Луны. Норвегия, Швеция, северная часть Ботнического залива, Финляндия и, наконец, наша территория: города Сердоболь (Сортвала), на берегу Ладожского озера, Везьгонск, Рыбинск, Ярославль, Иваново, Шуя, Ардатов, Куйбышевская область, Эмба, Аральск, Кзыл-Орда — по этому пути пронесётся лунная тень и близ границы с Китаем сойдёт с земного шара.

Лунная тень пронесётся по земному шару со скоростью больше, чем скорость пули, вылетевшей при выстреле из ружья. Поэтому полное солнечное затмение в Карело-Финской республике будет длиться только одну минуту, а в Кзыл-Орде — всего 25 секунд. И в эти короткие мгновения астрономы стараются собрать как можно больше сведений о Солнце.

Я советую вам, ребята, подготовиться к солнечному затмению, чтобы и ваши наблюдения могли послужить службе астрономам.

Только помните: на Солнце нельзя смотреть незащищённым глазом, так можно испортить зрение. Наблюдайте Солнце через закопчённое стекло. А чтобы коготь не стёрлась со стекла, покройте его ещё одним стеклом и обклейте края их бумагой.

Солнечную корону — самый высокий слой раскалённой атмосферы Солнца — можно видеть только во время полного затмения. Она хорошо видна даже в бинокль. Постарайтесь её зарисовать. Рисунок должен быть «мгновенным», поэтому пусть ваши рисовальщики заранее поучатся быстро зарисовывать какие-нибудь слабо видимые предметы, например лёгкие перистые облака.

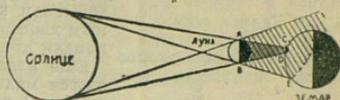
Для облегчения работы приготовить листы белой бумаги с тёмным кругом посредине. Круг этот обведите несколькими окружностями большего диаметра, чтобы легче было наносить лучи и выступы короны. Установите бинокль на лёгком штативе, приготовьте неяркий фонарь, который зажжёте во время затмения.

Чтобы не утомились глаза, пусть тот, кто собирается рисовать, сидит до наступления полной фазы с закрытыми глазами и откроет их по сигналу другого наблюдателя, когда корона засияет полным блеском.

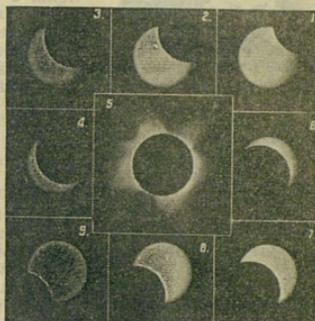
Другие ребята пусть наблюдают небо: будут ли видны какие-нибудь звёзды или планеты. Интересно проследить за температурой и давлением воздуха во время затмения. Любопытно наблюдать поведение домашних и диких животных и птиц, что будет происходить с растениями в момент потемнения.

Некоторые из вас пусть займутся описанием всей картины затмения. В районах неполного затмения зарисуйте последовательно фазы затмения.

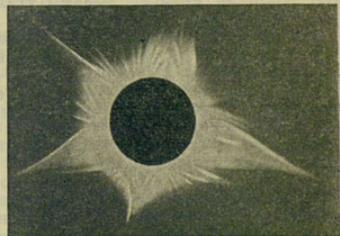
Можно было бы дать вам много других советов, но в краткой статье всего не расскажешь. Советую вам прочитать мою книгу «Солнечные затмения» (ОГИЗ-ГАИЗ, 1936), также книги: Джинс «Движение миров» (Детиздат, 1937); проф. Глазенап «Друзьям и любителям астрономии» (1936).

На этой схеме вы видите, какое положение занимает Солнце, Луна и Земля во время полного солнечного затмения.

Фазы полного солнечного затмения.

Солнечная корона во время затмения.

Южнее и севернее полосы полного солнечного затмения будет наблюдаться частичное затмение. Вот как оно будет проходить 9 июля в районе Москвы.

Шагая по дороге...

Подростком я увлекался рыбной ловлей. Если вы сколько-нибудь разбираетесь в этом деле, то понимаете, как важно иметь хорошую лесу. А для лесы нужен конский волос. Мои приятели-мальчишки добывали конский волос просто: выстригали ножницами из лошадиных хвостов. Но меня смущал этот способ, и я решил отправиться в поиски конского волоса на проезжую дорогу.

Ещё издали я увидел, как над землёй с жалобным криком кружится маленькая пестрая птичка, и, подойдя ближе, понял тревогу щегла. В дорожной пыли билось пушистое птичье тельце. Пара щеголов собирала на дороге конский волос для своего гнезда. Но щеглихе не повезло. Собрав в клюве волос, как собирают лассо, она хотела взлететь, но волосной аркан захлестнул её шею, — птица попала в удавку: один конец волоса крепко держался в засохшем комке грязи. Я успокоил щегла, высвободив из пелли его подругу.

Тогда меня удивило, что щеглы не хуже ребят-рыболовов осведомлены о том, что на дороге можно найти конский волос. Но позже я убедился, что просёлочные и лесные дороги обслуживают самые разнообразные нужды птичьего и звериного мира.

В летнюю пору я часто видел птиц — известных певцов полей, — перелетающих на дороге. Я наблюдал, как сквозь чаще ржаных соломин выныривал на дорогу пернатый житель полей и здесь расправлял для полёта крылья. В ту пору, когда рожь поднимается сплошной стеной, взлететь из неё в воздух очень трудно, и извивающаяся посреди хлебного поля дорога служит птицам как бы аэродромом. Не остаются без внимания и тянущие вдоль дороги телеграфные столбы: для кого они служат местом отдыха, для кого — прекрасным охотничьим наблюдательным пунктом.

Заметив вечерней порой скачущих по лесной дороге чёрных и серых птиц, вздёргивающих хвостом и как бы кланяющихся, я догадывался, что означает этот охотничий танец. Навоз, оставленный лошадьми на дороге, приманил навозных жуков, а на охоту за жуками слетелись птицы.

Я не раз замечал, как в жаркий полдень из широкой выбоины, оставленной колёсами телег и наполненной дождевой водой, взлетали брызги и высывались клюв и мокрая голова купальщика. А по отпечаткам лап на дороге можно было судить, что если для птиц выбоина была купальней, то лесной быстроногий зверь в жаркую пору не брезговал бегать сюда на водопой.

Я не назыву этого зверя, как не называл и птиц. Я хочу, чтоб вы сами угадали их имена, познакомясь с ними лично.

Вам за лето придётся исходить немало дорог. Высланная вами вперёд разведка на ходу может сделать много интересных наблюдений (путешествуя большой группой, вы распугаете зверей и птиц). Пусть в ваших лагерных дневниках появятся занятные записи о том, как использует пернатое и четвероногое население лесов и полей дорогу, проложенную человеком.

Как видеть реку насквозь

Что могут сказать наблюдательному глазу широкие листья кувшинки?

Если они спокойно лежат на самой поверхности воды, значит течение здесь тихое; лёгкое подрагивание указывает на течение средней силы. Но если вы увидите, как мотаются из стороны в сторону погружённые в воду листья кувшинок, — прежде чем бросаться в реку, взвесьте свои силы: сумеете ли вы справиться с быстриной?

Можно научиться «видеть реку насквозь» — по цвету течения, по цвету воды судить о характере дна и глубине реки.

Поставьте на берегу на определённом расстоянии друг от друга две метки. Один наблюдатель, стоя возле первой метки, бросает в воду поплавок. Возле второй метки стоит другой наблюдатель. Засекая время, когда с ним порвывается поплавок, он определяет скорость течения. Переставляя метки, можно определить скорость течения в различных местах реки.

Если на быстром течении в отдельных местах видны бурлящие струи и водовороты, в этом месте нельзя нырять с берега, и, плавая, нужно быть осторожным — напорешься на камень или корягу.

Если на поверхности воды при тихой погоде косо от берега видна зыбь над тёмной полосой, здесь дно делает уступ. Это так называемое «подвалье» — находка для любителя рыбной ловли. В подвалье всегда собирается много рыбы. Здесь на медленном течении рыба может стоять пологом, не утомляясь, а струи воды, сбегая по «перекаату» и падая с уступа, всё время сносят в подвалье корм.

Впрочем, у разных пород рыб есть свои излюбленные места кормежки. Когда вы научитесь «видеть реку насквозь», когда все её отдели, заводилки и перекааты станут знакомы, вам откроется доступ и к её живым богатствам. Вы будете знать, где нужно ловить голавлей и язей, где на удочку попадётся ёрш, а где подстергать щуку.

Наблюдения за жизнью реки пригодятся не только юному рыболову: это хорошая практика для будущего разведчика переправ, сапёра и будущего моряка.

Лесная летопись

Конечно, вы не раз побываете в лесу. Лес живёт не один год, а сотню, нередко и двести—триста лет. И есть в лесу свои молчаливые летописцы, которые ведут запись «делаем давно минувших дней». Эти летописцы — деревья.

Осматривая свежие пни спиленных деревьев, обратите внимание, что годовые кольца на них бывают разной ширины. Наряду с широкими кольцами встречаются узкие — это запись о пережитых бедствиях, о годах засухи или о лесных пожарах. После низового пожара, опалившего низ дерева, прирост древесины слабее, кольцо получается узкое. Отсчитывая кольца от края внутрь к центру, вы установите, сколько лет назад в лесу был пожар.

Эту дату можно проверить и по другому: по мутовкам, определив возраст молодых сосёнок, выросших на гари. Морозобойные трещины на коре дуба — свидетельство о том, что лес перенёс суровые зимы. Чем темнее цвет трещины, тем она старше. Хвоя на засохшей ёлке держится с год. Встретив ёлки с неоспавшейся рыжей хвоей, вы можете сказать, что деревья погибли прошлым летом.

Низина, заросшая мхом и осокой, с небольшими засохшими берёзами — своеобразная страничка лесной летописи. Она расшифровывается так: за годы засухи на пересохшем болоте успели подняться молодые берёзки. Берёза — одна из быстро растущих лесных пород: за десять—пятнадцать лет вырастает деревцо. Потом наступил влажный период; болото наполнилось водой, и берёзки погибли.

Странички лесной летописи всегда открыты для любознательных глаз. Читая их, вы узнаете историю леса и колебание климата в вашей местности.

У входа в лисью квартиру

Обходя заросший кустарником овражек, вы набрали на нору. Кто здесь живёт: барсук или лисица? У лисы из норы много выходов; перед норой — перья, кости, заячьи лапки на отвале, где зверь отдыхает, греется на солнце; к земле прилипли рыжие и седые волосы.

У барсука на отвале заметны длинные белёсые волосы, грубые, как щетина, вокруг норы чисто, пакости никакой нет. Лиса ходит легко, на кончиках пальцев; у неё не увидишь тропинок, ведущих к норе. А барсук ступает на всю стопу: он вытаптывает дорожки.

Составьте описание найденной вами лесной «квартиры»: сколько у неё входов, на какой высоте она вырыта, чем кормится зверь — житель норы — и т. д.

Я знаю, что каждый из вас мечтает своими глазами увидеть в лесу живого волшебного зверя. Для этого нужны осторожность, выдержка, терпение. На заходе солнца, засев в засаду в двадцати—тридцати шагах от норы, можно подкараулить барсука или лису, отправившихся на вечернюю охоту. Понятно, нужно быть очень осторожным, чтобы не выдать зверю своё присутствие, и выбрать такое место для засады, где ветер дует не от вас к норе, а наоборот.

Лису подкараулить легче. Она может возвращаться в нору и в дневные и в вечерние часы. Подросшие лисята часто играют на солнышке близ норы. У барсука более точное охотничье расписание. Он выходит на охоту в сумерки, возвращается перед рассветом.

Если не полениться встать в темноте, можно подкараулить барсука у самого входа в нору. И тогда наверняка мечта ваша осуществится: в предрассветных сумерках перед вами вырастет силуэт зверя, возвращающегося к себе домой с ночной охоты.

А. Н. Формозов, доктор биологических наук

Игорь Всеволожский

Рис. В. Цельмера

(Продолжение.)

Глава восьмая, в которой так и не разрешается тайна грецких орехов

Рано утром пришли два матроса и сделали крепкие дубовые ставни на железных болтах. Потом пришёл весёлый курчавый матрос, которого звали Хмара. Это был вестовой Николая Васильевича. И Николай Васильевич посоветовал Марине распросить его, как он забрал в плен шесть вооружённых фрицев. И Хмара охотно рассказал, как на фронте, где они были с Николаем Васильевичем, он, одесский парикмахер, выполнял обязанности полкового парикмахера. И как он однажды пошёл на передний край, взяв с собою две бритвы, мыльницу и полотенце, — побрить офицеров. И как ему встретились шесть вооружённых автоматами фрицев. И ему, наверно бы, пришлось плохо, если бы он не командовал: «Рота, стой!» И принялся так командовать своей несуществующей ротой, что фрицы перепугались и сдались ему в плен. И они так и пришли в штаб полка — впереди шесть фрицев с поднятыми руками, а позади парикмахер. А мыльница играла в тот день роль гранаты.

Хмара сказал, что он теперь будет приходить сюда ночевать, и он-то уж сумеет с любым грабителем поговорить по душам.

А Дик, бедный, лежал в уголку и смотрел на всех грустными глазами. Он даже не притрагивался к тарелке с молоком, которую поставила перед ним Марина.

Вегетарианский врач в морской форме осмотрел Дика, промыл его рану, смазал иодом и сказал, что, ударь его грабитель чуть-чуть полсее, Дику была бы крышка. А теперь через несколько дней пёс будет здоров.

— Хороший пёсик! — похвалил он Дика. — Отличный пёсик! Ну, попались Дик теперь вот громади, — ему не сдобровать: злопамятнее лайки нет собаки на свете.

Солнце светило так ярко и так ласково, что все ночные страхи рассеялись, как дым. Марина вышла на улицу, решив сходить в парк. Возле самого дома её кто-то окликнул. Это был толстый Шалико, директор фруктового магазина.

— А, шен генацвале! — сказал он. — Что у вас было ночью за шум? Я, как был, выскочил из квартиры и даже порезался о проволоку. Он показал перевязанную руку.

— Я ведь ваш сосед, живу вот тут, рядом.

Глядя: вот мои окна. Как поживает твоя собачка? Приходи сегодня в магазин за инжиром.

Марина сказала ему, что ничего особенного ночью не случилось; просто Дику показалось, что кто-то лезет в окно. И ей вовсе некогда приходило к нему сегодня в магазин. Он ей был неприятен, и ей совсем не нравилось, что этот человек живёт по соседству.

В парке она нашла Боря возле озера.

— Вот и хорошо, что ты пришла, Марина, — сказал мальчик. — Я как раз достал лодку.

И они пошли на пристань и сели в белую с синей каймой лодку. Боря умел гребсти, и они выплыли на середину озера. У бортов лодки плескались серебристые рыбки.

— А ты знаешь, — сказал вдруг Боря, — сегодня орешков-то восемь.

— Восемь?

— Ну да, восемь. К чему бы это надо? Не пойму. Число сегодняшнее — двадцать восемь, а в чёрточке восемь орешков. И ты знаешь, Марина: опять этот старичок подошёл и постоял у витрины. Слово не мог разгладить сегодняшнее число в одну секунду!

Он положил вёсла, и лодка медленно поплыла по течению. Марина рассказала Боре про то, что было ночью.

— Бедный Дик! — пожалел Боря собаку. — Так ты говоришь, этот толстый фруктовый живёт с вами рядом?

Он катался целый час. Потом сдали лодку, вышли из парка и, разговаривая, пошли домой. Возле фруктового магазина ребята чуть не столкнулись со старичком-ботаником — он шёл, глядя себе под ноги, и не узнал Марины.

— Гляди-ка! — сказал Боря. — Теперь орешков-то стало четырнадцать.

Когда он успел их пересчитать? Но он был совершенно прав! Орешков было четырнадцать.

Марина увидела за окном толстого Шалико и двух продавцов, разбивавших товар. В магазине было много покупателей. Она решила сегодня же рассказать обо всём Николаю Васильевичу.

* * *

Полковник внимательно выслушал Марины и сказал, что он прикажет проверить ис-

торию с орешками, что ей незачем об этом беспокоиться. А вечером они пошли в клуб офицеров на кино — там показывали «Серенаду Солнечной долины» — и в фойе встретили майора Панфилова. Он опять рассказывал массу историй, угощал Марину мороженым и лимонадом, хвалил трубку Николая Васильевича, обещал прийти в гости.

И опять он проводил их до самого дома. Было уже совсем темно, и кто-то чуть не наткнулся на них, извинившись. Марине показалось, что это толстый фруктовщик, но она не была в этом уверена. Что ему надо поздно вечером возле их окон? Ах да, ведь он живёт в доме ядом; стало быть, ничего удивительного нет в том, что они встречаются так часто.

Дик был уже на ногах, он кинулся навстречу Марине и стал тереться об её руки своей серой головой с острыми ушами. Хмара встал, когда они вошли, — он раскладывал пасьянс. Теперь Марине нечего бояться, сказал он, ставни такие, что и пушкой не прошибешь.

Глава девятая, в которой Марина снова видит белые глаза

Марина крепко подружилась с Борей. Один и тот же человек, если можно назвать его человеком, нанёс им обоим непоправимый удар в сердце. Разве Марина забудет когда-нибудь то, что видела в Теберде? Разве Боря, даже когда станет большим и будет заведывать где-нибудь метеорологической станцией, забудет тот страшный день, когда «он» подошёл к нему, связанному, с раскалённым гвоздём?! Нет, они всегда будут это помнить.

И они чувствовали, что «он» ходит где-то здесь — среди этих чудесных пальм, среди ярких цветов — и только и думает, как бы побольше зла причинить нашей стране, нашим людям. Как узнать его? Кем он сейчас притворяется? Учителем, артистом, дирижёром, профессором, чистильщиком сапог? Он влезает в чужую шкуру, как в свою собственную, и чувствует себя в ней прекрасно. А глаза? Но он, наверно, сумеет даже перекрасить свои глаза — из белесых в тёмные, если понадобится. Ведь он умеет так менять свою внешность!

Днём Марина была беспечна. Она целый день проводила в парке с ребятами, играла в волейбол, занималась в кружке метеорологов, собирала цветы.

Но по ночам на неё находил страх. Она была уверена, что никто не пролезет через толстые ставни; она

знала, что Дик, уже выздоравливающий, спит тут рядом, возле тахты, и в любую минуту можно потрепать его тёплые уши, что в соседней комнате, если Николай Васильевич уходит на работу, спит вестовой Хмара. И всё же она спала беспокойно. Но приходил день, и её страхи исчезали.

В это утро Марина с Борей отправились купаться. Подходя к пляжу, они услышали за собой знакомый голос. Майор Панфилов, оживлённый, весёлый, догонял их:

— Наконец-то уезжаю на фронт, ребята! Пойдите к павильону. Угощаю в последний раз мороженым. Ешьте вволю!

Они съели по порции, майор предложил по второй. Ребята с радостью согласились, и он пошёл к стойке. Буфетчица подала два блюдечка с мороженым. Майор осторожно донёс их и протянул одно Боре, другое — Марине. Марина потянулась было за блюдечком, но вдруг кто-то толкнул её — блюдечко упало, разбилось, и мороженое расплылось по земле.

— Ох, какой неловкий! — сказала Марина.

— Прощу прощения.

Ах, да ведь это Шалико! Как блестят у него глаза!

— Прощу извинения и у майора. Сейчас я исправлю свою нелозкость.

Шалико побежал к стойке и принёс двойную порцию мороженого. Марина не хотела брать, но он так настаивал, что пришлось.

Вскоре майор ушёл, сказав, что подвечер зайдёт проститься с Николаем Васильевичем. Ушёл и Шалико.

— Не нравится мне этот толстяк, — сказала Марина.

— А ты знаешь, — сказал вдруг Боря, — сегодня у него под календарём орехи выложены зигзагом. И их целых пятнадцать...

...блюдечко упало, разбилось, и мороженое расплылось по земле.

Однако мы ведь пришли купаться! Ну, поплавали?

Они оба хорошо плавали и любили, доплыв до большого мокрого, скользкого камня, взобраться на него и сидеть там, болтая в воде ногами. На этот раз камень был занят — на нём уже кто-то сидел. Когда они подплыли поближе, пловец прыгнул в воду и поплыл. Кто это был, нельзя было разглядеть. Ребята взобрались на камень и уселись. Солнце пекло нестерпимо, но от воды веяло прохладой. Пловец описывал большие круги, то приближаясь к камню, то удаляясь от него. Вдруг он повернул голову и посмотрел на ребят.

— Он! — вскрикнула Марина.

— Кто?

— Он, он! Глаза!.. — задыхаясь, кричала Марина. — Белье глаза!..

— Что ты говоришь? — сказал Боря, всматриваясь в удаляющегося пловца. — Я ничего не заметил.

— Зато я заметила. Это он, я сразу узнала его!..

— Ты ошибаешься, Марина, — сказал Боря. — Ведь это майор Панфилов... Удивляюсь, почему он не посидел и не поговорил с нами. И у майора Панфилова вовсе не белые, а чёрные глаза.

— А эти... эти были совершенно белые, как те, понимаешь?.. Наверное, мне они уже просто кажутся всюду. А может быть, это был не майор?

Глава десятая, в которой события развёртываются с ужасающей быстротой

Когда Марина пришла домой, Дик, к её удивлению, не кинулся её встречать. Он сидел возле запертой двери в столовую и злобно рычал, пытаясь подсунуть нос под дверь. Шерсть на нём взъерошилась.

— Дик, что с тобой? — спросила Марина.

Она подошла к двери. Никогда ещё не бывало, чтобы дверь из её комнаты в столовую запиралась на ключ. Она постучала.

— Дядя Коля, вы дома?

— Подожди, Марина, — глухо ответил из-за двери Николай Васильевич, — я занят.

— Но мне надо вам сказать что-то очень важное. И как можно скорее, — сказала Марина.

— Я тебе сказал, подожди, я занят, — повторил Николай Васильевич.

Никогда ещё он с ней не разговаривал так сурово. Дик продолжал рычать и скрестить лапами в дверь. Тогда Марина нагнулась и посмотрела в замочную скважину. За столом сидели Николай Васильевич и майор Панфилов.

«Странно, — подумала Марина, — что же это они меня не пускают?»

Она прислушалась к разговору за дверью и вдруг побледнела: собеседники говорили по-немецки!

— Дик, Дик, да что же это такое? — прошептала Марина в ужасе, опускаясь на пол...

* * *

— Я зашёл к вам проститься, Николай Васильевич, — сказал, входя, майор Панфилов.

— Уезжаете?

— Да. Сегодня вечером. Разрешите мне закурить? Я кунался, понимаете, и оставил на пляже портсигар.

— Пожалуйста.

Полковник протянул коробку с табаком и принялся набивать свою трубку.

— У вас великолепная трубка, — сказал майор, глядя на собачью голову.

— Да. Дорога как память.

Майор продолжал пристально рассматривать трубку. У собаки загорелись глаза.

— Великолепная трубка, — повторил майор. — И я очень рад, что вижу именно у вас эту трубку, — с улыбкой продолжал он. — Я уверен, что вы мне поможете как можно скорее выбраться отсюда.

— Куда?

— Домой.

— Ах, домой. А разве это так сложно? Сядьте вечером в поезд, в мягкий вагон...

— Будет вам притворяться, полковник, — вдруг сказала майор по-немецки. — Вы прекрасно играете свою роль, но я-то ведь знаю, кто вы. Вы такой же советский полковник, как я советский майор. Вам повезло, вы сумели высоко забраться. И у вас такой добродетельный, с советской точки зрения, вид. Этот честный взгляд, усы, как у старого воина. Вы молодец, честное слово, молодец. Я знаю, в каком отделе вы у них работаете, и, честное слово, я даже сомневался в вас некоторое время. Но эта трубка... она не оставляет никаких сомнений. Эта трубка может принадлежать только одному человеку, — он встал. — Итак, — сказал он повелительным тоном, — не позже, чем завтра, вы организуете всё для моего отъезда. Я больше не могу здесь оставаться. Катер будет крейсировать неподалёку от берегов.

— Вы это точно знаете? — спросил по-немецки полковник.

— Я имею совершенно точные сведения.

— И вы убеждены, что я буду отправлять вас именно отсюда?

— А это откуда вам будет удобнее. Но я больше не могу оставаться в этой стране. Завтра ночью я должен быть на катере.

— Вы на нём будете. Но само собой разумеется, из этого шумного, как базар, порта не выберетесь незамеченным. Вы уверены, что за вами никто не следит?

— Убеждён. Разве могут возникнуть какие-либо сомнения в подлинности того лица, за которое я себя выдаю?

— Возможно, что нет. Итак, я должен отправить вас одного или...

— Нет. Двоих.

— Кто второй?

— Это просто один икс. Его фамилия вас не должна интересовать.

— Отлично. Вы постараетесь завтра же быть в Сухуми.

— В Сухуми?

— Да. Вы знаете Сухуми?

— Отлично.

— В десять часов вечера возле Синопа, у крепостной стены, вас будет ждать быстреходный катер. Могу я всё же узнать вашу фамилию?

— Зачем? У меня много фамилий.

— Я не встречал вас никогда раньше.
— И я вас тоже. Но это ничего, мы ещё встретимся с вами у нас дома. Называйте меня майором Шранке.
— Отлично, майор Шранке. Приятного пути.

— Да. Ещё одно дело. Тут с вами живёт одна девочка. Она опасна. Вы её уничтожите.

— Постараюсь.

Когда Шранке захлопнул за собой калитку, какая-то толстая фигура вышла из соседних ворот и пошла за ним следом.

«А вот и второй, — решил полковник, проважавший Шранке до калитки. — Так называемый Икс».

Он вошёл в дом и закрыл дверь. Через пять минут щёлкнул ключ, и полковник вошёл в комнату Марины.

— Мариночка, мы едем в Сухуми. Это совершенно необходимо. С нами поедут Боря и Дик. Соберайся. Я пойду в отдел, а за тобой зайдёт один человек. Через час мы едем.

— Дядя Коля! — закричала Марина. — Дядя Коля, объясните мне...

— Потом, потом, детка. Я очень тороплюсь... — и он ушёл.

Пёс смотрел Марине прямо в глаза умными карими глазами. Никого не было в доме, они были одни.

Вдруг резко зазвонил звонок.

Марина замерла. Дик залаял.

Звонок прозвонил ещё раз, настойчивее и громче. Марина стояла, не шевелясь.

Тогда звонок стал звонить непрерывно. Марина подошла к двери и открыла её. На крыльце стоял Боря, а рядом с ним капитан Пётр Сергеевич.

— Пётр Сергеевич! — воскликнула Марина, бросаясь к нему.

— Здравствуй, Маринка, — сказал Пётр Сергеевич. — Ты уже собралась?

— Куда?

— В Сухуми! Разве ты не знаешь, что мы едем в Сухуми?

— Но вы знаете, что...

— Всё знаю, Мариночка. И мы с Николаем Васильевичем всё тебе потом объясним. А сейчас — едем...

И дверь белого домика захлопнулась за Мариной и Диком.

(Окончание следует.)

Подсолнечник

Под солнышком подсолнечник,
Когда денёк погожий,
Весь день глядит на солнышко,
Сам на него похожий.
Цветок пчелу к себе зовёт,
В траве ныряют грабли,
А солнышко плывёт, плывёт,
Как золотой кораблик.
Оно то слева, то сверху,
То повернёт направо...
И одуванчик весь в пуху
Линяет прямо в травы.
У каждого своя пора,
Своё житьё простое:
Подсолнечник глядит с утра
На солнце золотое,
Плывёт кораблик — солнышко, —
Вокруг лучи кольцом,
И целый день подсолнечник
Стоит к нему лицом.

Е. Трутнева

ВОДЯНОЙ ТЕЛЕСКОП

На дне тихих прудов и речных затонов, покрытых зелёным ковром явски, жизнь бьёт ключом.

Но как прочахнуть в этот мир, заселённый удивительными существами?

Сидя на берегу, вы ничего не разглядите в тёмной воде, точно так же, как если бы вы пытались, стоя на солнечной стороне улицы, заглянуть через оково в тёмную комнату.

Вы можете, конечно, обшарить пруд водяным сачком, посадить выловленных животных и насекомых в аквариум или в большую стеклянную банку и спокойно их наблюдать. Но это — совсем не то. Всегда хочется посмотреть на них в естественных условиях, как наблюдаем мы птиц и наземных животных.

Хорошо бы надеть водолазный костюм и спуститься на илистое дно. Но где раздобыть этот костюм?

Я хочу вам предложить совсем простой прибор — водяной телескоп, — который поможет вам обследовать речное дно без водолазного костюма.

Устройство этого инструмента совсем несложно, и его может соорудить каждый из вас.

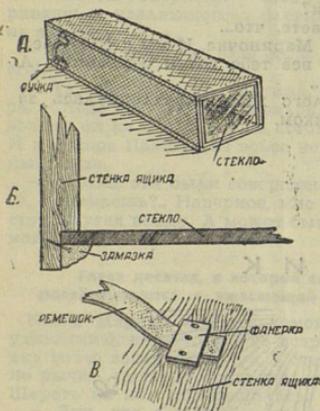
Возьмите длинный деревянный ящик (длина его должна быть

40—60 сантиметров, ширина—20, высота — 15), вставьте в дно этого ящика стекло (15×20 сантиметров). Углы ящика и края стекла хорошенько промажьте оконной замазкой, а весь прибор окрасьте масляной или эмалевой краской, чтобы в телескоп не проникала вода. Внутренние стенки ящика окрасьте чёрной краской. Прикрепите к ящику ручки или прибейте ремешок, чтобы прибор было удобно держать в руках, — и телескоп готов.

Чтобы телескоп не всплывал, прикрепите к нему какой-нибудь груз — металлическую пластинку или мешочек с песком.

Теперь вы можете наблюдать жизнь водоёма на глубине нескольких метров под водой и записать в свой дневник много интересных наблюдений.

Кандидат биологических наук
Ан. Ан. Махотин.

СОДЕРЖАНИЕ

Победа — Я. Успенский	1 стр.
Московское небо — Стихи З. Александровой	4
Бои в Берлине — Полковник Н. Баканов	5
Ваня и Ясра — А. Фидеев. Рис. Т. Машиной	8
На побережье Невы — Тамара Абдулова. Фото Ю. Г. Биологических наук С. И. Огнева	12
Что мы хотели бы повторить	16
Повесть о зелёном сундучке. Окончание. — И. Василени. Рис. Б. Винокурова	20
Что произойдёт 9 июля 1945 года? — Профес- сор К. Л. Бэкс	25

Ваш летний дневник — Доктор биологических наук А. Н. Формозов. Рис. Н. Кравченко	26 стр.
Собака полковника. Продолжение — Игорь Ве- селовский. Рис. В. Целлари	28
Подсолнечник — Стихи Е. Трупиной. Рис. Ф. Подлишук	31
Водяной телескоп — Кандидат биологических наук А. Махотин	32
Почтовый ящик	III п. обл.
Мяч в лесу — В. Яковлев. Рис. А. Брея	IV п. обл.

НА ОБЛОЖКЕ: Рисунок военного художника В. Климашина „Воспитанник Н-ской части в Берлине“.

Редколлегия: Аляксинский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор).
Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

Подписано к печати 12/VI—45 г. Изд. № 414. Тираж 24.000 экз. Зак. 878.

А 5684. 82×110. 1/16 бум. двукрат. 76 999 печ. ян. в печ. листе. 2 п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В редакцию пришло очень много писем о том, как ребята провели День Победы. И мы решили весь «Почтовый ящик» этого номера посвятить письмам о Дне Победы.

Я проснулась сразу, как только раздался знакомый голос диктора Левитина. Победа! Война кончилась! Я быстро оделась — и на улицу. У дома я встретила девочку из нашего класса, и мы вместе пошли к Красной площади. Сначала мы немножко беспокоились, так как не знали, можно ли ходить ночью, но улицы быстро наполнились людьми, а первый же милиционер радостно сказал нам: «Поздравляю, девочки!»

На Красной площади уже было много народу. И все были, как родные. Вскоре появился мальчик с баяном, затем какая-то девушка с гитарой. Начались пляски, песни.

В 5 часов утра мы пошли в школу. Там дежурила Мария Сергеевна Трусова, наш математик. Мария Сергеевна дежурила в первую же военную ночь в июне 1941 года. И вот теперь её дежурство совпало с последней военной ночью. И большие и маленькие девочки — все собрались в школу. Кто-то принес патефон. И начались танцы.

Весь день мы ходили по улицам Москвы. До поздней ночи я так и не легла спать. Но ведь такой день бывает раз в жизни!

София Казанович

Москва, школа № 635

Днём я был на Комсомольской площади. Там три вокзала: Казанский, Октябрьский и Ярославский. На площади играла музыка, все плясали и пели. Вдруг из дверей Ярославского вокзала вышел усталый, запыхавшийся красноармеец. На одном его плече висел вещевой мешок, на другом — автомат. Все, кто был поблизости, бросились к нему. Красноармейца обнимали, целовали и наперебой приглашали к себе. И когда одна пожилая женщина, взяв бойца под руку, повела его к себе домой, все с завистью посмотрели ей вслед.

Советский воин, боец — это был самый дорогой, желанный гость!

Юра Мельников

Москва, школа № 200

Мой папа — капитан. Он на фронте с начала войны. Последнее время папа во всех письмах писал, что скоро мы увидимся. 9 мая я получила от папы письмо, в котором он снова пишет, что скоро вернётся домой. И теперь я знаю, что это уже по-настоящему скоро.

Какой большой праздник был в День Победы! Мама испекла пирог. Потом мы ходили с ней по улицам. Мальчики облепляли автомашины, но милиционеры на них не сердились.

Всё было необыкновенно в этот день. Больше всего мне понравился портрет товарища Сталина, который был высоко в небе.

Лена Табачни

Москва, школа № 635

У наших соседей трёхлетний мальчик. Всю свою жизнь он слышал слово «война» во всех падежах: «вот кончится война», «до войны», «после войны»... Всё было связано с этим словом. И 9 мая мальчик ходил немного растерянный: все вокруг говорили, что войны больше нет. «Мамочка, это уже после войны?» — спросил он.

И все радостно отвечали ему: «Да, да, это уже после войны».

Борис Шульман

Москва, школа № 200

Весь вечер 9 мая я провёл на Красной площади. Сбившись в большую группу, мы пели песни — ребята и взрослые, — и какая-то женщина-капитан дирижировала нашим хором. Мы спели все песни, какие только знали, дружно выкрикивали лозунги. И все вели себя так, как будто давно друг с другом знакомы. Когда выступал товарищ Сталин, стало необычайно тихо, хотя площадь была полна народу. Мне никогда не забыть, как я стоял среди огромной толпы и все молчал, и все радостно улыбаюсь, и все чувствовали одно... Я вспомнил о своей маме: она погибла в самом начале войны на фронте, куда поехала вместе с бригадой артистов. Я вспоминал, как я ждал, когда наши разобьют фашистов. И вот этот день настал.

Я не знаю, какими словами рассказать о том, что было во время салюта. По всему городу установили прожекторы. Тысячи прожекторов... Всё небо над Москвой было покрыто полосами: белыми, синими, красными, зелёными. Лучи соединялись где-то вверху, и казалось, что над Москвой раскинут огромный шатёр. В лучах прожекторов светились портреты Ленина и Сталина и пылали огромный красный стяг. Они были подняты в воздух на аэростатах. А салют! Только подумать — тысяча орудий! Как было красиво, как здорово!

Игорь Якушенко

Москва, школа № 170

Рано утром меня разбудила моя подруга Ирина Майзиге.

— Вставай, Айна, война кончилась! — крикнула она с порога.

В первые минуты я даже не поверила, а потом вскочила, быстро оделась, и мы побежали на улицу.

Обычно тихие в утренние часы, улицы нашего города были сейчас оживлены, люди шли радостные и с весёлыми песнями.

Мы побежали с Ирой в школу, там уже были все наши ребята. Возжатая Марта обняла меня и крепко поцеловала:

— Поздравляю тебя, Айна, теперь скоро с фронта вернётся твой папа.

Мы построились и пошли на центральную площадь Эспланада, где был митинг. А вечером мы веселились во Дворце пионеров. Быстро, точно в чудесной сказке, промелькнул этот замечательный день.

Айна Лайманис

Рига, 23-я неполная средняя школа

Мяч в лесу

В. Яковлев.

На лесной поляне лежит набитый сеном мяч (чуть поменьше волейбольного). Вокруг мяча сидят ребята и поют. Это «лесная» команда.

В это время игроки другой команды — «лесной» — прячутся в лесу вокруг поляны. На них маскировочные костюмы из веток и листьев.

Конец песни — сигнал к началу игры. Команда поля устремляется в лес на поиски лесной команды. А лесные игроки стараются незаметно прокрасться на полянку и схватить мяч.

Но не думайте, что это так просто: игроки поля имеют право брать лесных игроков в плен. Место плена — два-три дерева на краю лужайки. Поймают — полезай на дерево и сиди там, пока тебя не выручат. Игроки леса, прокрадываясь на поляну, стараются завладеть мячом. Они бросают его в игровое поле или влезают на дерево. Игрок поля, ослепленный мячом, выбывает из игры и садится на то место на поляне, где он пел песню. Пленный лесной игрок, пойман мячом, слезает с дерева и присоединяется к своей команде.

Завладевшие мячом игрок леса и его товарищи, вырванные из плена, бегут по полянке, пасуют друг другу мяч и стараются ослепить игровое поле.

Игроки поля увертываются от мяча и стараются перехватить его — обезоружить противника. Если это им удастся, судья объявляет «перерыв». Он снова влезет мяч посредине поляны, вырванные пленные возвращаются на деревья, игроки поля, неослепленные, садятся вокруг мяча. Игрок леса, неудачно бросивший мяч, становится в любом месте поляны, но не ближе десяти шагов от мяча.

— «Мяч в игре!» — объявляет судья, и игра продолжается.

Побеждает в игре: команда поля, если все игроки лесной команды окажутся в плену, или лесная команда, — когда она выведет из игры всех игроков поля.

ПРАВИЛА ИГРЫ:

Игрок леса попадает в плен тогда, когда игрок поля схватит его двумя руками за руку. Пленный не имеет права вырываться или убежать и влезает на указанное ему дерево.

Игроки поля не имеют права перебрасывать друг другу мяч. Игрок поля выбывает из игры, если его ослепит мяч «с лебугу», но если он поймает брошенный мяч, он остается в числе играющих.

Игрок леса, схвативший мяч, и вырванные пленные не имеют права уходить в лес и играют всё время на поляне.

Нельзя бегать с мячом, задерживать его в руках больше трех секунд и вырывать мяч из рук. Нельзя задерживать лесного игрока с мячом.

За нарушение правил игрок поля выбывает из игры, а лесной игрок попадает в плен.

